

INSPIRIA

КИМ СЛЭЙТЕР

ЗАПЕРТАЯ
В СВОЕМ ТЕЛЕ

INSPIRIA

Ток. Блестящий триллер

Ким Слэйтер

Запертая в своем теле

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Слэйтер К.

Запертая в своем теле / К. Слэйтер — «Эксмо», 2017 — (Ток. Блестящий триллер)

ISBN 978-5-04-162518-4

Можно ли спастись из тюрьмы, если тюрьма — твое собственное тело? Бип, хис-с, бип, хис-с... Это — все, что осталось от моей жизни: шипение аппарата для искусственной вентиляции легких, чтобы поддерживать жизнь в неподвижном теле. Я — овощ. Списанная единица. Почти что труп. Но есть кое-что, чего никто не знает: на самом деле я жива, просто заперта в своем теле, как в тюрьме. И все, что мне остается — воспоминания. О моей Эви; о том, как три года назад кто-то забрал ее у меня. Я знаю, что эти воспоминания помогут найти ее. Они собираются воедино из множества мелких деталей, словно пазл. Три года назад я совершила страшную ошибку. Три года назад я связалась не с тем, с кем следовало. Три года назад я страшно подвела своего близкого человека... И теперь я обязана отыскать способ быть услышанной, чтобы помочь Эви найтись. Это история о том, как, в стремлении сбежать от своих проблем, мы разрушаем жизни самых близких... Захватывающий триллер, который не даст уснуть до рассвета. От автора международных бестселлеров. В мире продано свыше шести миллионов экземпляров книг. Более тысячи отзывов на Goodreads и более трех тысяч отзывов на Амазон. Идеально подходит для любителей романов «Девушка в поезде», «За закрытыми дверями» и «Сестры». Актуальный для современности сюжет о трудностях матери-одиночки с легким налетом «Безмолвного пациента»: повествование ведется от лица пациентки Ноттингемского госпиталя, с которой связана страшная тайна. Помочь ей и узнать правду можно только благодаря нестандартным методам, ведь женщина находится в вегетативном состоянии и заперта в своем теле как в тюрьме. Читатели по всему миру массово отмечают неожиданные сюжетные повороты, потрясающе проработанных персонажей, затягивающую атмосферу и легкий, приятный для чтения слог. «Книга завладела мной с самого первого предложения и не отпускала до самого конца. В ней множество неожиданных поворотов.

Однажды у меня даже отвисла челюсть, когда я поняла, что все не так, как выглядело. Фантастически написано, наивысшая оценка. Пять звезд. Жажду прочитать остальные книги автора». — Анжела Марсонс «Блестяще, невероятно закручено... Я смело рекомендую это». — Б.А. Парис, автор книги «За закрытыми дверями»

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-162518-4

© Слэйтер К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Тогда	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	43
Глава 16	44
Глава 17	46
Глава 18	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ким Слэйтер

Запертая в своем теле

K.L. Slater

BLINK

Copyright © K.L. Slater, 2017

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

© Екимова Н.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Тогда

Ты этого не знаешь, но я слежу за тобой. Слежу постоянно.

А когда наблюдаешь за кем-то долгое время, всегда хочется дать этому человеку совет, подсказать, что он делает не так.

Но ты все равно не слушаешь – ведь ты из тех, кто всё знает лучше всех.

Из тех, кто идет по жизни, смеясь и не замечая опасности, даже если та маячит прямо перед носом.

И все же мне хочется поделиться кое-чем, как если бы ты была моей подругой. Ты ведь даже не представляешь, что бывает столько боли сразу... пока не представляешь.

Потому что об этом я и хочу рассказать.

Ведь это так просто...

Сначала, когда приходит понимание, что твоего ребенка больше нет, то кажется, что это – самое ужасное, что только может случиться.

Но скоро настает момент, когда кровь словно начинает уходить из тебя по капле, а ты ничего, совсем ничего не можешь сделать, чтобы это остановить, но будешь чувствовать, как она течет не переставая. И тебе будет наплевать, потому что все мысли – только о ней, о твоей девочке.

Сорок восемь часов.

Ровно столько ты будешь балансировать на грани безумия, веря, надеясь, что все еще можно отыграть назад. Потом перестанешь спать, тебе начнут колоть седативные препараты, и каждый раз, выплывая из наркотического сна, ты целую секунду будешь думать, что всё в порядке. Что всё случившееся – лишь плод твоего воображения.

И когда ты решишь, что *вот это* и есть самое худшее...

Именно тогда начнет уходить надежда, совсем как снег, съезжающий с крыши во время оттепели: потихоньку, потихоньку катиться к краю и всей своей массой обрушиваться вниз.

Но если надежду можно сравнить со снегом, то отчаяние, которое занимает ее место, похоже скорее на лед: твердый и острый, он в клочья кромсает душу.

А окружающие, все до единого, твердят бесполезную мантру: «Что бы ни случилось, не теряй надежды».

Но они опоздали. Надежда уже потеряна.

И тебе опять покажется, что *это* и есть самое худшее. И снова ты ошибешься.

Потому что скоро поймешь: настоящий кошмар впереди.

Часть I

Глава 1

Наши дни

Королевский медицинский центр, Ноттингем

Тик-так, тик-так – тикают часы.

Они на стене, я вижу их краем глаза.

С другой стороны – лужица света. Окно. За ним – мягкая, приглушенная масса. Я думаю, что это может быть зелень. Она мягко касается стекла, шепчет, когда все остальное в этой маленькой белой комнате молчит.

Но вот раздаются голоса, шаги. Я слышу их через дверь.

В комнату входят врачи, и я напрягаюсь, стараясь уловить их движение в этой размытой белизне. Их двое. Каждый день они приходят в одно и то же время, когда свет за окном становится мягче. Так я узнаю, что наступил полдень.

Сердце начинает биться быстрее. Может, сегодня они поймут, что я еще здесь, за этой невидимой, непроницаемой перегородкой, отделяющей меня от мира?

Для них я нахожусь в *вегетативном состоянии* – лежу на узкой кровати подобно трупу, разве что глаза все время открыты. Но мысленно я уже вскочила и колочу раскрытыми ладонями по несуществующему стеклу. Кричу, чтобы меня выпустили.

«Посмотрите на меня! Посмотрите, я здесь!»

Они не смотрят. Точнее, смотрят куда угодно, но не на меня. Они говорят обо мне, наблюдают за мной издали, но не дотрагиваются. Не смотрят в глаза.

Если б они только посмотрели внимательно, то увидели бы, как еле заметно трепещет веко, как почти неуловимо дрожит палец. Господи боже, уборщица и та распознала бы искру жизни, если б только смотрела на меня хоть изредка.

– Как это жестоко, – тихо говорит женщина-доктор, делая шаг к кровати. – На вид она как живая...

«Я живая, – кричу я внутри себя. – Я ЖИВАЯ».

Собрав все силы и всю решимость, усилием воли направляю их в руку, которая недвижно лежит на бледно-голубом одеяле. Левую руку. Она ближе к ним, к их невидящим глазам.

Все, что мне нужно сделать, это шевельнуть пальцем. Чуть-чуть подвинуть ладонь. Хоть на миллиметр, хоть на волос. Может быть, тогда они заметят?

Все что угодно, лишь бы они поняли, что я еще здесь.

Неподвижная, глухонемая, но живая.

Запертая в себе, как в тюрьме.

– Ничего от нее не осталось, только оболочка, – также негромко отвечает доктор-мужчина. – С самого первого дня после инсульта.

– Не завидую я тебе... – Женщина вздохнула. – Скоро придется поговорить с родственниками.

– У нее нет родственников. Мы так и не выяснили, кто она.

Дверь открывается и снова закрывается.

Шаги в коридоре стихают, в палате наступает безмолвие, нарушаемое только сиплыми вздохами аппарата для искусственной вентиляции легких, который поддерживает во мне жизнь. Я окружена аппаратами, трубками, капельницами.

«Дыши. Это все понарошку. Это не может быть правдой».

Но это происходит. Происходит со мной.

На самом деле.

* * *

Единственное, что я могу делать сама, – думать. И вспоминать. Прошлое встает перед внутренним взором с небывалой прежде ясностью, но я инстинктивно понимаю, что, если вспомню все и сразу, боль будет так сильна, что сломает меня мгновенно. И что тогда будет с ней, с моей красавицей?

Все давно забыли про Эви. Официально дело не закрыто, а полиция заявляет, что они готовы расследовать любую новую информацию, но ничего не делают, потому что никакой новой информации нет.

Ни улики, ни показаний свидетелей. Ничего.

Первые месяцы после произошедшего я, как одержимая, отслеживала каждое сообщение о ней в онлайн-новостях и каждый комментарий к ним.

Судя по комментариям, можно было подумать, что все эти люди лично знакомы с «непутевой, безответственной мамашей» и не раз бывали в их «неуютном доме».

Почти все строили свои версии того, как девочка могла исчезнуть среди бела дня и не оставить следов. Диванные эксперты.

Всё вспомнили – и европейский заговор педофилов, и маньяка-детоубийцу, и неизбежных цыган, – чем только не объясняли пропажу, чего только не наплели...

Но постепенно, один за другим, они отступились, решили, что ее больше нет.

Все, кроме меня. Я уверена – Эви жива, она где-то ходит, где-то дышит. Я должна держаться за это. В этом моя последняя надежда.

Поэтому ни в коем случае нельзя впадать в панику.

Да, я не могу шевельнуть пальцем, не могу издать ни звука, но верю, что в моих силах помочь отыскать и спасти ее, ведь память пока не изменила мне. Я помню всё.

А это значит, что остается только одно: вспоминать, как всё началось.

И даже раньше.

Глава 2

Три года назад

Тони

Голые стены нового жилья были гладкими и холодными, словно обнаженная кость.

И не было ничего, что могло бы их оживить.

Все это место – пустая упаковка, лишенная какого-либо содержания или характера, не более. Одно большое пятно яичной скорлупы или растоптанного цветка магнолии. Не самая вдохновляющая атмосфера – если не считать страданий и страха.

Да, дом был чистым и функциональным, но я всегда любила *цвет*.

Помню, как наслаждалась простором нашей прежней гостиной. Огромным окном-эркером и бирюзово-черной акцентной стеной с обоями пейсли¹, на выбор которых ушла неделя: целых семь дней мы жили с образцами разных обоев, пришпиленными к каминной полке, присматривались, привыкали, а потом каждый высказал свое мнение, и мы сделали выбор – все втроем.

Я в очередной раз обежала взглядом голые стены, неприкрытые плинтусы, крошечную прихожую и жмущиеся друг к другу комнатусики, как будто надеялась обнаружить некий шарм, скрытый от меня прежде.

Ощущение было такое, словно жизнь навсегда лишилась цвета и текстуры. Словно мою душу вымазали безвкусным оттенком магнолии, внутри и снаружи.

Повернувшись спиной к блеклой белизне, я подошла к окошку и бросила взгляд на плешивый замусоренный газон. Агент по недвижимости претенциозно окрестил его палисадником. Издевался, наверное. Сорняки заслоняли тонкие бордюры, а одуванчики прорастали между плитами тротуара в неудобных, непрактичных местах, колеблемые прохладным бризом и раскачиваясь, как пьяные солдаты на увольнительной.

Я отвернулась от окна и снова оказалась лицом к лицу с комнатой.

В углу громоздились друг на друге картонные коробки, их шаткую пирамиду подпирали туго набитые черные мусорные мешки. Итог восьми лет семейной жизни.

Все хорошее и все плохое, что случилось с нами за эти восемь лет, лежало в этих мешках: сувениры, сентиментальные мелочи, плотно упакованные, обжаты полиэтиленовыми стенками, надежно завязанные сверху, чтобы ничего не выскользнуло по дороге.

Смех, счастливые лица, дни и ночи, проведенные с мужем и дочерью, проносились перед внутренним взором, словно последние кадры старой семейной хроники, когда хвост целлулоидной ленты, шурша, скользит перед окошком кинопроектора.

Может, когда-нибудь я найду силы пересмотреть их от начала до конца и, бережно расправив ленту, наконец понять, почему кошмар случился именно с нами.

Может быть, тогда наконец-то получится снова спать по ночам...

Я вздрогнула и обернулась, услышав шаги у двери, и сразу же успокоилась – в комнату зашла мама, постаревшая, осунувшаяся, но такая же энергичная и напористая, как и прежде.

¹ *Пейсли* – каплеобразный орнамент с восточным колоритом, названный в честь одноименного шотландского городка, текстильщики которого активно продвигали на рынок ткани с ориентальным рисунком.

Это было очень кстати при переезде, но после того, как все закончилось, ее присутствие начало тяготить, так как выставляло напоказ мое собственное несовершенство. Это было похоже на неотвязную тупую боль в боку.

Она смотрела своим особым, «рентгеновским» взглядом, словно пытаясь прочесть мои мысли.

– Не оставляй себе времени на размышления, разве мы не так договаривались?

Мама всплеснула руками, и я точно вернулась в детство: от меня требуют, чтобы я не копалась, а одевалась скорее, иначе опоздаю на школьный автобус.

Ах, если б вернуться в то благословенное время... Но в жизни нет черновиков, и нельзя еще раз пройти тем же путем, сделав иной выбор.

– Чаю хочешь?

Я кивнула, глядя, как мама подходит к коробкам и читает подписанные от руки ярлыки. Подумала немного и нагнулась за лежащей на полу сумкой. Почувствовала на себе пронзительный взгляд родительницы и соврала, что хочу проверить телефон.

А сама даже не заглянула внутрь; просто стояла, прижав сумку к груди, точно трофеем.

Мама продолжала смотреть.

– Что?

Видимо, в моем голосе прозвучал вызов, потому что она отвернулась, вздохнула, открыла коробку и точными уверенными движениями извлекла наружу чайник и две кружки, завернутые в пузырчатую пленку.

– Чай, – повторила мама, исчезая в дверях кухни.

Мне никогда не нравилось ее обманывать. Хотя обман – это не мой случай. Я ничего не скрывала. Просто не отчитывалась за каждый шаг.

В конце концов, в тридцать пять лет у меня было право принимать некоторые решения самой, ни у кого не спрашивая совета.

Хотя, по правде сказать, мне было за что благодарить маму.

Если бы не она, я, наверное, еще не один месяц решала бы, стоит ли переезжать из Хемел-Хемпстеда в Ноттингем. Именно мама убедила нас перебраться к ней поближе, чтобы было проще начать жить заново.

Эта фраза – «начать жить заново» – всегда звучала невероятно избито.

Но выяснилось, что легче сказать, чем сделать, – на то, чтобы спланировать и организовать переезд, ушло несколько месяцев. И вот теперь, когда этот ужас кончился, выяснилось, что самое трудное еще впереди.

Но, по крайней мере, получилось записать Эви в Сент-Сейвиорз – местную «хорошую» школу из списка Офстед² – до начала учебного года. Жизненные передрыжки должны были как можно меньше сказаться на образовании моей дочери.

В общем, мне предстояло как-то справиться с этим кошмаром и научиться держать хвост пистолетом. Ради Эви и благополучия нашей семьи, внезапно перешедшей в разряд неполных.

– Эви ждет не дождется, когда пойдет в новую школу, – крикнула мама с кухни. – Все уши мне этим сегодня утром прожужжала, пока я вела ее в группу.

Меня аж замутило – так резко подняло голову чувство вины. Мы с дочкой так и не поговорили как следует о переменах, которые произошли в нашей жизни – сначала надо было продавать один дом, потом арендовать другой, собирать вещи, переезжать, а параллельно еще и улаживать проблемы со страховой компанией моего мужа и счетами за его лечение. В общем, сплошной кошмар.

² *Ofsted* – бюро стандартизации образования, работы с детьми и навыков, вневедомственный департамент правительства Великобритании, в обязанности которого входит регулярная инспекция образовательных организаций в Англии. По результатам проверок учебные заведения получают оценки по 4-балльной шкале («отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».)

Но, по словам мамы, Эви рада, что скоро пойдет в школу, а это главное.

– Я записалась на экскурсию по школе завтра, на два часа. Хочешь с нами?

Она даже застонала от разочарования.

– Завтра у меня остеопат. Я уже отменяла его на той неделе, когда надо было забрать твои ключи, помнишь? – Только глухой не распознал бы почти не скрываемый упрек. – Не думаю, что врач обрадуется, если я повторю тот же финт завтра. Но про школу хочу знать все, так что расскажете, когда вернетесь.

Маме, конечно, нравилось время от времени напоминать о собственной значимости, но, по правде говоря, она действительно выручала. Даже не представляю, как бы мы жили без нее после смерти Эндрю.

Два года назад его снова отправили в Афганистан в составе военной миссии.

Особое задание.

Так выразился пришедший за ним сержант и добавил еще несколько слов, смысл которых сводился к тому, что Эндрю должен считать за честь, что выбор пал на него.

Так оно и было. Мой муж был благодарен командованию.

Как я тогда мечтала, чтобы случилось чудо и он отказался покидать нас!

Но стоило только намекнуть на это, как он ответил: «Это мой долг», и я поняла – тема закрыта.

Знал бы он тогда, что подписывает приговор...

Не только себе – всем нам.

Я знала – Эндрю любит меня и дочку, но нам было не по силам соперничать с его любовью к родине и работе, и я просто смирилась с тем, что после того визита мы сразу отошли на второй план.

Когда мы познакомились, он уже давно не общался с родителями, но после катастрофы я пыталась наладить с ними контакт: написала об Эви, предложила приехать в Ливерпуль, чтобы они могли познакомиться с внучкой. Однако ответа не получила.

А вот моя мама сильно помогла деньгами, хотя за три года до этого у нее тоже умер муж и она осталась почти ни с чем.

Раньше проблемы с сердцем были у моего папы. Это продолжалось не один год, и она прошла через все круги ада в попытках его вылечить. Но он все равно умер, а два года спустя мама записалась в местную группу по туризму и познакомилась там с Брайаном.

Мы надеялись, что с ним она будет счастлива, как вдруг, всего через полгода, у него обнаружили рак в терминальной стадии, и все повторилось.

Иногда бывает так трудно отделаться от мысли, что жизнь в общем-то полный отстой...

Глава 3

Наши дни

Королевский медицинский центр, Ноттингем

Я смотрю в пустой белый потолок и думаю о том, как дешевая водоэмульсионка ухитряется превращать осколки света, падающие на нее из окна, в настоящие лазерные стрелы.

Вид не меняется никогда. До тех пор пока кто-то – или что-то – не внесет в него разнообразие извне. Так, вчера по бескрайней белизне пространства ползала черная муха. Она оставилась прямо в той точке, куда упирается мой взгляд, и принялась чистить передние лапки.

И чем дольше я на нее смотрела, тем больше мне казалось, что она увеличивается в размерах. Настолько, что получалось разглядеть радужные фасетчатые глаза и то, как движется хоботок.

Видеть эту бесполезную тварь было бесконечно противно, но не было возможности ни прогнать ее, ни отвести глаз. Даже муха способна сейчас на большее, чем я.

Сегодня мухи на потолке нет. Она улетела на свою мушиную свободу, устав от моей неподвижной безнадежности.

Я ищу в сознании подсказки о том, что со мной случилось. Как я оказалась здесь.

В отличие от моего тела, мои мысли всё еще живы. Они копошатся в голове, ждут, когда я наконец-то поймаю их.

* * *

Был обычный вечер, я сидела дома. Смотрела телевизор, потом пошла на кухню сделать чего-нибудь горяченького, скорее всего размышляя о том, что предстоит сделать до сна: загрузить стиралку, погасить свет, приготовить одежду Эви на завтра.

Чайник выскользнул из руки, плеснув кипятком; я вскрикнула.

Звуки вдруг стали очень громкими. Голоса из телевизора, стук чайника по полу – как будто кто-то бил в литавры прямо над ухом.

Нет, перед моими глазами не опустился черный занавес. Не было ни ярких вспышек, ни цветных снов. Я не взлетела к потолку и не смотрела оттуда на себя сверху вниз. Просто сначала все было, и вдруг ничего не стало. Только огромная пустота, и посреди нее – я.

Очнулась я уже здесь.

«Это был инсульт», – сказали врачи. Они стояли рядом и разговаривали, записывая что-то в блокнотах.

Обширный инсульт. После такого с людьми часто случаются плохие вещи – я видела это на плакатах «Повышения осведомленности» в хирургической. Да, здешние врачи немало знают о том, что инсульт может сделать с человеком.

Но есть кое-что, чего они не знают.

Они не знают, что стало со мной потом. Не знают, что я заперта в себе самой, как муха в янтаре.

Трубка проходит вверх по носу и вниз по горлу. Кормит меня. Еще одна трубка в моем боку убирает отходы.

Я много что умею делать, но только в воображении.

На стене висят часы, не могу я снять трусы.

Знаю, что жива, раз до сих пор могу сочинять глупые стишки наподобие этого. В основном про часы. А еще отчетливо помню звонкий смех Эви и нежный овал ее личика.

Машина этого не умеет.

Часы – то единственное, что постоянно меняется в этой комнате. А еще это единственный предмет, который я вижу, – расплывчатый контур фигуры на краю поля моего зрения.

Сердце начинает стучать чаще и громче.

Это из-за бьющихся в голове мыслей.

Потому что я жива.

Я жива.

Я.

ЖИ.

ВА.

Я снова и снова кричу эти слова, но вокруг по-прежнему тишина.

Глава 4

Три года назад

Тони

– В час привезут мебель, – донесся мамин голос из другой комнаты. – Можешь начинать распаковывать вещи, если хочешь.

Но я не хотела. Не хотела доставать что-нибудь из коробок, не хотела ударять палец о палец. Даже садиться в свой старенький «Фиат Пунто» и ехать за дочкой в дурацкий детский клуб и то не хотелось.

«Фиату», кстати, давно нужен ремонт – его выхлопная труба злокозненно отравляла атмосферу вонючим дымом, но денег у меня не было.

Как и выбора.

– Поеду, съезжу за Эви. – Я схватила ключи от машины с кухонного стола и, не дожидаясь ответа, выскочила за дверь. Хотелось оказаться подальше от этого дома хотя бы на некоторое время.

Снаружи орало радио, наполняя улицу ревом попсы и атмосферными помехами. Я оглянулась в поисках источника звука и увидела на первом этаже соседского дома открытое окно. Звуки неслись оттуда.

Так, еще и антисоциальные соседи в придачу...

Восхитительно.

Я отвернулась и пошла к машине, которую, за неимением подъездной дорожки или гаража, поставила прямо на тротуаре, где она, очевидно, обречена стоять и впредь. И как раз пристегивала ремень безопасности, когда раздался резкий стук в окно. Тощая тетка с обезцвеченной мочалкой волос лыбилась, демонстрируя дырку на месте переднего зуба, и махала рукой.

Я немного опустила стекло, и в салон потянуло застарелой табачной вонью.

– Привет, соседка. – Дырка в ее зубах магнитом притягивала мой взгляд, несмотря на все усилия глядеть в сторону. – Я Сэл. Я и два моих парня живем тут рядом.

Она кивнула на дом, из которого орало радио. Я опустила стекло еще немного, выдавила улыбку и просунула руку в щель.

– Здравствуйте. А я Тони. Я только сегодня переехала сюда с дочкой, ее зовут Эви. Вот, еду забирать ее из дневной группы...

Сэл не обратила на руку никакого внимания.

– Значит, только ты с дочкой, да? Без мужика? По мне, так без них даже лучше, а?

Ее речь состояла из одних вопросов.

– Да, только я и дочка.

– Мои-то парни, Сти и Кол, уже взрослые. А я не из тех мамаш, которые своим деткам в жопу дуют, понимаешь меня, Тони? Так что если они будут вести себя по-свински, ты сразу иди ко мне, ладно?

– По-свински?

– Ну, ты понимаешь. Парни, они ж парни и есть, да? Приколы у них дурацкие, да еще шум иногда поднимут, вот как щас... Наш Колин, так тот ваще только что отгостил у Ее Вели-

чества³. Там ему девятнадцать и стукнуло. Короче, одни проблемы с ним, но я все равно рада, что он вернулся. Дети, они и есть дети, верно?

– Он был в тюрьме? – Попытка сохранить невозмутимость провалилась: на моем лице отчетливо проступил ужас.

– Ну, он-то не виноват. Так, пошел с компашкой в город однажды вечером, и чё-то они там с кем-то не поделили. Ну, ты ж знаешь, как оно бывает, а? Так что теперь, чуть где чего, копы первым делом до него докапываются. А чё, им ведь удобно, когда есть на кого повесить всех собак, правда?

Меня замутило при мысли о том, что я перетащила мою пятилетнюю дочь из благополучного района под бок к уголовнику. Каждое слово Сэл и еще этот ужасный запах, окутывающий ее, словно прозрачный туман, только усиливали тошноту.

– Мне пора, – пролепетала я, торопясь улизнуть прежде, чем она решит поведать еще какую-нибудь неприятную подробность о своих отпрысках. – А то опоздаю в садик.

– Ладно, милая, забегай, как устроишься, чайку попьем, поболтаем. – Соседка вскинула на прощание руку, отвернулась и пошла к себе.

Я поспешно завела мотор и отъехала от обочины.

Но, хотя у нас не было и не могло быть ничего общего с этой Сэл, ее приглашение забежать на чашку чая встряхнуло меня, невольно напомнив о прежней жизни.

Нет, я, конечно, ценила и близкие отношения с мамой, и ее помощь, и все же временами очень не хватало возможности посидеть с хорошей, проверенной подругой – может быть, даже за бокалом вина – и выговориться, а в ответ услышать не осуждение или жалость, а понимание и сочувствие.

Но подруги тоже остались в прошлом.

Сначала Пола, с которой мы дружили почти всю жизнь. Она переехала в Испанию пять лет назад, и постепенно общение свелось к рождественским открыткам, в которых мы обе, словно сговорившись, писали: «Хорошо бы как-нибудь встретиться», – прекрасно зная, что этого никогда не произойдет.

Потом была Тара. Когда наши мужья были дома, мы встречались и вчетвером ходили куда-нибудь поесть или выпить, а когда они уезжали в командировки – брали напрокат какой-нибудь фильм и покупали еду навынос.

Ее муж, Роб Боуэн, был в тот день с Эндрю. Он погиб на месте.

Тара была тогда на четвертом месяце и, как я слышала, потеряла ребенка. Горе должно было связать нас вместе, но вместо этого разлучило.

Я сама еще не опомнилась от трагедии, когда решила послать открытку с соболезнованиями. Но что написать? Помню, как долго мучилась, подбирая слова, пока наконец не остановилась на варианте: «Мне очень жаль». Позорно, банально, шаблонно, пусто и очень мелко. Совершенно не соотносимо с масштабом произошедшего.

Что же касается соседки...

Сэл, конечно, по-своему очень милая женщина, но ее речь – не то, что следовало бы слышать моей дочери. К тому же мне совсем не нравилось то, что она говорила о Колине.

Доехав до большой круговой развязки на вершине холма Синдерхилл, я оказалась в длинной колонне автомобилей. От трассы М1 в центр города шел непрерывный поток медленно движущегося транспорта, и пришлось ждать почти целую минуту, прежде чем появилась возможность проехать прямо, к усадьбе Брокстоу.

³ Жаргонный юридический термин Соединенного Королевства, относящийся к неопределенному сроку наказания некоторых заключенных. Основан на концепции, что вся законная власть для правительства исходит от Короны.

Гигантские плакаты отеля слева анонсировали обширную свадебную ярмарку, которая должна была состояться в конце месяца, и трибьют-группу, выступавшую в ближайшие к Хеллоуину выходные.

Тут я поняла, что еду не по той полосе, и попыталась выбраться на нужную, но было поздно. Машина сзади громко, протяжно засигналила, и я, поймав взгляд водителя в зеркальце заднего вида, подняла руку в знак того, что прошу прощения, но его лицо перекосила гримаса ненависти, а губы задвигались, изрыгая ругательства.

Пришлось бороться с внезапным желанием ударить по тормозам, чтобы наши машины «поцеловались». Просто хотелось причинить неудобство этому грубияну.

Понятия не имею, откуда взялось это желание. После смерти Эндрю разрушительные идеи просто падали в мою голову, как будто их кто-то нашептывал.

Когда я посмотрела на свои руки, то увидела, что сжимаю руль так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Глава 5

Три года назад

Тони

– А еще, мамочка, у них нет новых наборов «Лего», – жаловалась Эви, пока я вела ее к машине.

Ее светлые кудри подпрыгивали, поблескивая в слабых лучах сентябрьского полуденного солнца, нос-пуговка сморщился, что делало ее скорее милой, чем раздраженной, а родимое пятно на шее напоминало маленькую клубничку.

– И они пытались заставить меня пить молоко. Говорили, что это хорошо для моих косточек. А для твоих косточек это хорошо, мамочка?

Моя дочь обожала хлопья с молоком, но терпеть не могла пить молоко просто так.

– Оно полезно для наших костей, потому что в нем много кальция, – объяснила я, поворачивая «Пунто» в сторону круговой развязки на Синдерхилл-роуд. – Но кальций можно получить из других продуктов, таких как йогурт и сыр, так что не обязательно пить молоко, если оно тебе не нравится.

Эви серьезно кивнула.

– Я сказала им, что от молока меня всегда тошнит, а раз даже вытошнило на соседскую кошку. И тогда они дали мне сока.

Ее и правда однажды стошнило прямо на кошку наших бывших соседей – породистую голубую персидку. И, по-моему, этого нам так и не простили. Ни хозяева, ни кошка.

Оказавшись дома, дочка сразу же направилась к своей огромной коробке с «Лего» и высыпала ее содержимое на пол гостиной. Я вздохнула и покачала головой.

– Эви, сейчас не время...

– Тони, милая, оставь ее, пусть играет, – вмешалась мама. – Она нам не мешает. Места достаточно.

– Бабуля, мне нужно в туалет. – Дочка надула губы и нахмурилась.

– Пойдем, солнышко. Бабуля тебя проводит.

В свои пять лет Эви уже вполне могла сходить в туалет самостоятельно, но я подавила раздражение. Что толку вмешиваться – все равно эти двое притворятся, будто ничего не слышат, и сделают по-своему.

Когда они вышли, я опустилась в одно из складных садовых кресел, которыми мы обходились в ожидании прибытия мебели, и поглядела в угол, на коробки, но не пошевелила и пальцем, чтобы начать распаковку.

У меня еще не созрела готовность окончательно проститься с прошлым: с нашей жизнью, со старым домом, в который мы – я и Эндрю – вложили все наши мечты, все надежды на будущее и в котором теперь жила другая семья.

Снова отчаянно захотелось сорваться с места и убежать. Подальше от мамы, от воспоминаний, даже от Эви. Не навсегда, на время. Ненадолго.

Чувство вины немедленно вонзилось в грудь, подобно отвертке. Какими же наивными дураками были мы с Эндрю – мчались по жизни, как два щенка, вприпрыжку, помахивая хвостиками, и думать не думали, что жизнь может расставить нам ловушку!

Надвигалась паническая атака. Не вставая, я подтянула к себе сумочку и заглянула внутрь – просто чтобы убедиться: лекарство по-прежнему на месте, в уголке, никем не обнаруженное и не потревоженное.

Да, было проще успокаивать себя тем, что выбор есть. Например, признаться во всем маме, прямо сейчас, и положить конец этой истории с таблетками, пока та не вышла из-под контроля.

И все же при одной только мысли о том, чтобы попросить помощи, в животе словно начинал шевелиться клубок скользких угрей.

В глубине души я понимала, что не сделаю этого. Не теперь.

Ведь если выложить все прямо сейчас, то это будет выглядеть, как будто я уже себя не контролирую. А это не так. Просто пока что таблетки – это самое простое решение. Как костыль после перелома ноги.

Я поклялась себе, что не стану переступать черту, а потому преодолела прокрастинацию, встала, подошла к коробкам и, собравшись с духом, открыла первую попавшуюся.

Это чем-то напоминало удар под дых: внутри лежали вещи – свидетели прежней, ушедшей навсегда жизни.

Снимки из семейных отпусков, с рождественских обедов и других праздников. Наша любимая картинка, которую Эви нарисовала в детском саду, – семейный портрет. Яркие поздравительные открытки: «Папочке», «Любимому мужу», «Дорогой женушке».

Мне не хватило духу выбросить их, даже зная, что в новом жилье хронический дефицит пространства. Хотелось сохранить. Трогать. Рассматривать. Чтобы не забыть, какими мы были. Как будто эти квадратики бумаги могли стать узлом, который свяжет воедино потрепанные концы моей жизни, лопнувшей, как перетертая веревка.

Я прикусила язык, чтобы привести себя в чувство. Надо хотя бы попытаться взглянуть на ситуацию позитивно. Новый дом – новое начало для меня и моей дочери. Мама правильно говорит: надо дать жизни шанс.

– Смотри на все позитивнее и постарайся поверить в лучшее, – сказала я вслух. – Все образуется.

Слова канули в гулкую тишину гостиной и умолкли, как погремушка, затихшая на полу.

Когда мама и Эви вернулись, мы сели пить чай. Это стало отличным стимулом взять себя в руки и успокоиться.

В дверь отрывисто постучали.

Мы с мамой удивленно переглянулись, а Эви даже не подняла головы от своих цветных кирпичиков – до того она была ими увлечена.

– Хочешь, я открою? – предложила мама.

– Нет, я сама.

Я вытянула себя из кресла и, приглаживая торчащие пряди наспех собранного «конского хвоста», пошла к двери.

На матовое стекло не падало никакой тени, а значит, на крыльце никого не было. Но я все же открыла, подумав, что почтальон или рассыльный просто стоит ниже.

Крыльцо пустовало, но на ступеньках красовался дорогуший букет лилий, в нарядной упаковке, с ленточкой. Такие обычно ставят в капсулу с водой, чтобы дольше не вяли. Этот находился в ламинированном черном пакете с ручками.

Переступив через внезапный подарок, я спустилась с крыльца и повертела головой – никого. Улица была пуста.

Тогда я взяла пакет за ручки и внесла в дом.

– Смотрите-ка, что очутилось на крыльце!

– Ой, какие красивые! – Эви вскочила. – От кого?

– Пока не знаю. Но ты можешь заглянуть в пакет, если хочешь. Вдруг там записка?

Мама изумленно подняла брови.

– Неужели ты даже не предполагаешь, от кого они?

– Понятия не имею. – Я наблюдала, как дочка с любопытством раздвигает стебли цветов, ища среди них послание от загадочного дарителя. – Но я разослала наш новый адрес всем, кто есть в моей записной книжке, так что это, наверное, от кого-то из них.

– Но чтобы такой дорогой букет?.. Уж поверь мне, он стоит огромных денег. Это лилии сорта «Звездочет», а они...

Вдруг Эви завизжала так, что кровь застыла в жилах.

– В чем дело, милая? – Я мгновенно подскочила к ней.

Она хлопнула в ладоши, заскулила, и к потолку взлетело какое-то насекомое. На стебель цветка выползла оса, за ней другая, третья... Все они направлялись к бледным, обнаженным рукам и ладоням Эви.

– Осы! – завопила я и закрыла дочку собой. – В букете!

Отчаянный рев Эви и вопли мамы отвлекали от боли, которую причиняли мне маленькие свирепые насекомые, жаля во все открытые места. Я махнула рукой, чтобы оттолкнуть проклятый букет.

– Здесь осиное гнездо, – взвизгнула мама. – Скорее, на улицу!

Я подхватила Эви на руки и бросилась к входной двери. Мама последовала за нами и захлопнула дверь. Мы вывалились на улицу и промчались через «палисадник», остановившись только около проезжей части.

Моя девочка все еще кричала и била себя по рукам и лицу.

Мы перебили ос друг на друге. Последнюю я вытащила из волос дочери – и была немедленно укушена.

И даже отсюда было видно, как в окно гостиной яростно бьются изнутри маленькие полосатые убийцы, бессильные добраться до нас, чтобы причинить зло.

Глава 6

Три года назад

Учительница

Харриет Уотсон выложила покупки на кухонный стол, разделила консервные банки на группы, открыла шкаф и аккуратно, одну за другой, составила их на нижнюю полку. Две банки с запеченной фасолью, две – с резаными помидорами и четыре – с томатным супом.

– Их место на второй полке.

Подскочив от неожиданности, Харриет выронила банку с персиками и беспомощно смотрела, как та грохнулась на стол, едва не задев коробку с яйцами.

– Мама... Что ты здесь делаешь?

– Это мой дом, если ты еще не забыла. И я имею право вставать, когда захочу.

Харриет прищурилась, чтобы облик матери стал менее расплывчатым.

– Консервированные фрукты, рисовый пудинг и заварной крем всегда стоят на второй полке, – повторила старуха. – Сколько раз тебе повторять?

– Извини, я просто задумалась.

Гладкая поверхность стола приятно холодила пальцы. Харриет взяла персики, повернулась обратно к шкафу и поставила банку туда, где ей полагалось быть – спереди от фруктовых коктейлей и рядом с апельсиновыми дольками.

Мать стояла в дверном проеме и наблюдала за ней. Она была босая, в хлопчатобумажной ночной сорочке с вышитыми лилиями, прозрачным саваном висящей на ее тщедушном теле.

– Надень халат и тапочки, – сказала Харриет, протянула руку за очками, которые недавно положила у раковины из нержавеющей стали и, надев их на нос, шагнула вперед. – Пол холодный, простудишься.

– Вот бы тебе была радость, а? Пневмония – какой замечательный повод держать меня в постели и не давать совать нос в твои дела...

– Это совсем не так, мама.

– Когда она придет? – Старуха потерла тощее запястье под сборчатой манжетой. – Когда будет с нами?

Харриет захотелось протянуть руки и прижать кончики своих холодных пальцев к бледным, морщинистым рукам матери. Когда-то они были упругими, в веснушках, рыжевато-коричневых, как жженный сахар.

– Я же говорила тебе. – Из ее груди вырвался вздох. – Я над этим работаю.

Мать фыркнула, отвернулась и заковыляла обратно по коридору.

– Сейчас я закончу с делами и принесу тебе чай!

Ответа не последовало.

Расставив по местам последние банки, Харриет залюбовалась их симметрией, а затем села за кухонный стол с огромным пакетом лекарств для своей матери, собранных по повторному рецепту этим утром. Раскрыла упаковки и стала перекладывать содержимое в специальную коробочку: по кучке разноцветных пилюль в каждое из семи отделений, на каждый день недели.

Работая, она погрузилась в свои мысли, и на лбу у нее выступили морщины. Упорядоченные, как солдаты в строю, они шли параллельно глубокому вертикальному шраму, делившему лоб пополам.

Просто удивительно, как эти крошечные, спрессованные из каких-то порошков торпеды ухитряются поддерживать в человеке жизнь. Дважды в день ее мать открывала соответствующее отделение коробочки и насыпала горсть таблеток себе в ладонь. Внимательно разглядывала каждую и лишь потом отправляла в рот, запив большим количеством воды.

Фармацевтические компании, вот кого ей надо подозревать, а вовсе не свою дочь. Это компании больше заботятся о прибыли, чем о людях.

– Медицина имеет такое же отношение к деньгам, как образование – к бюджетам, – заметила Харриет накануне вечером, прочитав статью о запрете, наложенном Государственной системой здравоохранения на использование некоторых медикаментов.

А ей ответили:

– Ты достала филе лосося из морозилки?

К счастью для детей, вверенных попечению Харриет в школе, деньги никогда не были для нее главным в жизни.

Вся система образования ориентирована на экзамены, даже в начальном звене. Проверяющим из Офстеда были важны только тесты и их результаты, а отнюдь не дети и их жизнь.

Харриет Уотсон пережила уже четыре инспекторские проверки, и ни разу ни один чиновник даже вскользь не поинтересовался тем, какое влияние она оказывает на жизнь своих подопечных.

Нет, их всегда интересовали только дипломированные учителя. Это было оскорбительно.

Ну и ладно, им же хуже. Ведь ее влияние на детей куда глубже, а власть над ними куда значительнее, чем они могли себе представить.

Через неполных два месяца будет ровно девятнадцать лет с тех пор, как мисс Уотсон начала работать помощником учителя в начальной школе Сент-Сейвиорз. Девятнадцать долгих лет она отдает всю себя детям, приносит жертвы, с которыми никто не считается, никто не ценит.

С самого начала Харриет считала себя настоящей учительницей – и именно это она говорила любому, кто спрашивал, чем она зарабатывает на жизнь.

– Не учительница, а *помощник* учителя, – любила поправлять мать. – Разница такая же, как между дипломированным врачом и санитаром, который выносит утки из-под больных.

Все просьбы не говорить так были проигнорированы.

Харриет учит вверенных ей детей, помогает им увидеть себя такими, какие они есть. От кого, если не от нее, они узнают об этом? Ведь мир, в котором они живут, потакает каждому их капризу.

Мать просто ничего не понимает. Никто ничего не понимает.

Она, Харриет, всегда хотела лишь одного – помогать людям. Неужели это так трудно понять?

Но рисковать нельзя. Если б она рисковала, то не продержалась бы в школе целых девятнадцать лет. Нет, она очень внимательно выбирает детей. Точно знает, кто именно ей нужен.

Подвинув к себе стопку заявлений о приеме в класс новых детей, мисс Уотсон еще раз просмотрела имена. Вчера она заглянула в базу данных, распечатала себе списки и сделала карандашные пометки против каждого имени.

В этом семестре в класс поступила девочка с юга. Живет с матерью, отец умер. Они только что переехали на Мюриэл-кресент, сразу за Синдерхилл-роуд, в Булвелле. Не очень далеко от ее дома.

В базе данных указано, что сегодня они как раз переезжают. То есть сегодня их первый день в городе.

Харриет улыбнулась, представляя, как мать и дочь устраиваются на новом месте, вспомнила про лекарства и, решительно захлопнув одну за другой все крышечки таблетницы, сделала паузу, чтобы взглянуть в окно.

В небе шли друг на друга два облачных фронта – один серый, как сталь, другой кучеряво-белый. Точно два клана борются за власть. Постепенно они слились, заполонив собой небо, закрыв солнце, так что ни один луч не мог пробиться сквозь мрачный полог.

Глава 7

Наши дни

Королевский медицинский центр, Ноттингем

Би-ип, х-сс, х-сс, би-ип.

Так теперь звучит моя жизнь. Вернее, то, что от нее осталось.

Я то отключаюсь, то снова прихожу в себя – сном это назвать нельзя, я словно в пустоту проваливаюсь. Мне ничего не снится, повернуться на другой бок возможности нет, удобно устроиться – тоже, просто надо мной вдруг словно опускается черный занавес.

Потом занавес также внезапно исчезает, а я снова смотрю в потолок и гадаю, что со мной случилось и когда это наконец кончится. Когда снова получится двигаться и говорить – рассказать об Эви, о том, какая судьба ее постигла и почему это моя вина.

Когда я в сознании, то стараюсь использовать каждую секунду, чтобы вспомнить. Обрывки воспоминаний плывут перед незакрывающимися глазами, точно легкие облачка, которые гонит ветер. Одни поймать так и не удастся, и они уплывают, но другие не так проворны, и стоит только схватить их за хвост, как они превращаются в белые искрящиеся шары, как будто из снега.

Правда, от старых воспоминаний порой нет никакого толку, разве что утешение.

Вот и сегодня я получаю желанную награду: воспоминание о том, как шелковистые кудряшки Эви золотыми нитями закручивались вокруг пальцев, когда она плакала и не могла уснуть, а я гладила ее по голове. И о запахе ее кожи после ванны – свежем и нежном, словно она купалась в утренней росе.

Дверь палаты распахивается, и я напрягаюсь. Конечно, никто не может прийти и просто отключить аппарат, поддерживающий во мне жизнь, но рано или поздно этот день настанет.

Внутри я воплю, бросаюсь с кулаками на прозрачные стены своей тюрьмы, бьюсь в них изо всех сил. Лишь бы они поняли, что я все еще здесь, с ними. На то они и врачи, чтобы отличать жизнь от смерти, разве нет?

Но в комнате тишина, а я лежу неподвижная и безмолвная. Застывшая в вакууме между жизнью и смертью.

Я жду знакомых голосов, медицинской терминологии. Заумной, но неспособной скрыть простую истину – врачи собираются меня убить.

Потому что так оно и будет. Если они отключат аппарат, то я умру.

Однако голос, который я слышу, мне незнаком.

– Здравствуйте, сегодня я буду заботиться о вас. Заменяю коллегу. – Надо мной на мгновение появляется сияющее улыбкой лицо. Я пытаюсь сфокусировать на нем взгляд. – Не знаю, слышите вы меня или нет, но говорить я все равно буду. Представлю себе, что вы всё слышите.

Остальные санитарки никогда не разговаривают со мной.

Лицо исчезает из поля зрения, но слышно, как она, мурлыча себе под нос, возится с аппаратом, снимает показания, что-то подсчитывает.

– На улице сегодня славно, – говорит она, принимаясь за стандартный комплекс процедур, положенный таким безнадежным овощам, как я. – Солнечно и не слишком ветрено, прямо как я люблю. Вот закончу смену и съезжу к себе на участок, повожусь там часок-другой... Что может быть приятнее работы в саду, правда?

Еще одно воспоминание проплывает мимо, но я успеваю словить его.

С самого первого дня, когда Эви начала играть в новом саду, приходилось бросать все дела и присматривать за ней.

Я специально разведала местность в день приезда, чтобы понять, насколько безопасно будет оставлять маленькую девочку одну.

Обошла дом кругом, прогулялась по соседним улицам...

И поняла, что совсем не безопасно.

Наш дом был последним в ряду. Четырехфутовый забор окружал с трех сторон поросший травой задний двор с незапиравшимися воротами. Неровная живая изгородь отделяла это место от соседнего участка. Ворота открывались в проулок, ведущий к оживленному шоссе. Соседи были жутко грубыми, женщина так просто кошмар... как же ее звали? Нет, не помню... у нее были два сына, которые целыми днями только и делали, что курили «дурь», судя по запаху из их вечно открытых окон.

Иногда я невольно задавалась вопросом: зачем человеку в здравом уме и твердой памяти понадобилось жить здесь? Какая мать потащит своего ребенка в такой район?

И поклялась, что, пока нет возможности изменить это, буду делать все от меня зависящее, дабы уберечь Эви. Буду смотреть за ней в оба глаза.

Самое печальное, что тогда я и впрямь верила, будто у меня это получится.

Но в итоге я подвела Эви. Страшно подвела.

Глава 8

Три года назад

Тони

Как часто я раздражалась на маму за то, что она совсем избаловала внучку, и вдруг все стало наоборот: когда появились осы, ее присутствие рядом стало настоящей удачей, за которую хотелось благодарить вселенную снова и снова.

Когда мы выскочили на улицу, Эви визжала, мама вопила, соседи прилипли к окнам, но только леди из дома напротив вышла, чтобы помочь.

– Я Нэнси, – сказала она, присаживаясь перед Эви на корточки. – Медсестра. Что случилось?

Мама объяснила.

– Плохо, – сказала Нэнси и, оглядев покусанные щечки девочки, потянулась к ее голым рукам.

– Нет! – Дочка уткнулась лицом мне в ногу, а руки спрятала за спину.

– Эви, эта леди только посмотрит.

– Не хочу.

– Всё в порядке. – Нэнси улыбнулась ей и посмотрела на меня. – Помажьте «Савлоном»⁴, и через пару часов опухоль спадет. Насколько я вижу, жал в ранках не осталось, так что всё должно быть в порядке.

– Спасибо вам большое, – облегченно вздохнула я. – Теперь нам не придется идти в клинику и тратить время на ожидание в очереди.

– Но на укусы поглядывайте. Если начнут отекать, краснеть и становиться болезненными, то это аллергия. Тогда сразу ведите ее в клинику. – Увидев такие же красные пятна на руках у меня и у мамы, она добавила: – И сами тоже помажьтесь.

Мы еще раз поблагодарили Нэнси и переместились в сад за домом, подальше от любопытных глаз.

Эви никак не могла успокоиться, несмотря на то, что уже устала от рыданий. Она попеременно сидела на моих и маминых коленях, то впадая в сон, то резко выпрямляясь, и в следующую минуту испуганно озирала каждый миллиметр окружавшего нас пространства.

Из сада мама позвонила своему соседу, мистеру Этериджу.

– Мистер Этеридж на пенсии, но раньше он был дезинсектором. Он знает, что надо делать.

Потом я позвонила в полицию. Пришлось назвать свое имя, адрес и номер телефона, прежде чем мы наконец дошли до дела.

– Кто-то подбросил в дом осиное гнездо, нарочно, – произнесла я и тут же сообразила, что объяснить такое постороннему человеку довольно сложно. – Мою дочь сильно покусали осы. Меня и мою мать – тоже.

– Тот, кто это сделал, все еще там? – спокойно спросил диспетчер.

– Нет, я вообще никого не видела. Цветы анонимно доставили на крыльцо.

– Осы вылетели оттуда?

⁴ «Савлон» – марка антисептического крема в Соединенном Королевстве.

– Да. Когда мы внесли букет в дом, они полезли из упаковки. Они искусали мою дочь, а она еще совсем маленькая...

– Но у вас нет никаких сведений о том, что кто-то намеренно хотел причинить вам вред?

– Нет, но внутри букета была половина осиногo гнезда. – Я заскрипела зубами. – Кто-то ведь его туда положил. Не могли бы вы прислать офицера, пожалуйста?

Когда на том конце повесили трубку, у меня упало сердце. Судя по прохладному тону диспетчера, полиция появится у нас не раньше чем через пару дней, если вообще появится.

Зато мистер Этеридж приехал меньше чем через час, с ног до головы облаченный в белое защитное снаряжение, которое закрывало даже ботинки, и имело шляпу с сеткой, как у пасечника. Правда, создавалось впечатление, что он не очень уверенно держится на ногах. Наверное, сказывался возраст.

– Отойдите подальше, – прохрипел дезинсектор в отставке, – я иду внутрь.

– Мам, сколько ему лет? – шепнула я.

– Ну, восемьдесят пять... Какая разница? Поверь мне, Тони, он знает, что делает. Он всю жизнь этим занимался, у него даже своя фирма была.

Мистер Этеридж вошел в дом и плотно закрыл за собой дверь, но уже через пятнадцать минут вышел обратно, стягивая с себя защитную сетку.

– Сдохли. Их не так уж много и было, всего около дюжины.

Нам был продемонстрирован прозрачный пластиковый пакет, в котором лежала половина серого конуса, смятого, точно бумажного.

Эви снова захныкала и уткнулась лицом бабушке в шею.

– Вам повезло, что они и так почти все передохли. Где у вас тут контейнер для мусора, милые?

Я поблагодарила мистера Этериджа, а мама сунула ему банкноту в двадцать фунтов, которую он с удовольствием принял, поспешно затолкав баллон с надписью «Уничтожитель ос и других насекомых» в свой рюкзак.

Черт, точно такие же продаются в любом супермаркете, причем задешево. Гораздо дешевле, чем двадцать фунтов, которые старик только что заработал.

Но я промолчала. В конце концов, избавление досталось нам из чужих рук с доставкой на дом.

Пока мама и Эви сидели в саду, я вернулась в гостиную и смела упругие полосатые трупики с подоконника. Комната пропиталась запахом инсектицида, так что пришлось распахнуть все окна и какое-то время постоять у окна, дыша свежим воздухом и глядя на жилые дома через дорогу. Надо же, каждый – точная копия нашего... И возможно, в каком-то из них кто-то тоже стоит сейчас у окна и наблюдает за тем, как я сметаю с подоконника ос и проветриваю помещение, поздравляя себя с отлично проделанной работой.

Вот только зачем все это? Мы еще не успели завести никаких новых знакомых, кроме Нэнси. Кто-то из соседей просто не любит новеньких? Но разве нельзя было продемонстрировать свою неприязнь как-то попроще, а главное, подешевле?

Подул ветерок, и хрупкие, прозрачные крылышки ос на пластиковом совке затрепетали, так что на долю секунды в голову закралась страшная мысль: вдруг насекомые не умерли?

Букет лежал на полу. Мистер Этеридж упаковал его в пакет для мусора и завязал горловину узлом. Пришлось пересилить себя и, содрогаясь от омерзения, вынести «подарок» на задний двор, прямиком в мусорный контейнер.

– Готово, котенок, – сказала я подходя к дочери и убирая с ее лица прядки волос, прилипших к мокрым от слез щекам. – Можно возвращаться в дом.

– Нет! – Эви крепко прижалась к бабушке.

– Послушай, что я тебе скажу, солнышко. Мистер Этеридж – лучший экстерминатор⁵ в стране, – стала успокаивать ее моя мама. – Любые насекомые и крысы боятся его как огня. Теперь они знают, что он побывал в этом доме, и никогда в него больше не зайдут.

Что? Ветхий мистер Этеридж на трясущихся ножках – лучший экстерминатор? Я расхоталась бы, не будь моя девочка так расстроена. Но удивительнее всего было то, что эти слова подействовали.

– Мистер Стриж – истеринатор? – спросила Эви, широко раскрыв глаза. – Он убивает ос?

– Совершенно верно. И помяни мое слово: с сегодняшнего дня ни одно насекомое, даже обычная муха, не покажет своего грязного носа в этом доме.

Конечно, столь значительные обещания не будут забыты, но самое главное, что истерика миновала.

– Пойдем, посидим все вместе на кухне, выпьем сока с печеньем, – добавила мама и встала, аккуратно спустив Эви с колен.

– Печенье перед обедом? – На меня направили хитрый взгляд.

– Конечно. – Я подмигнула. – Сегодня правило печенья не работает.

Мы втроем вошли в дом; на пороге я оглянулась и посмотрела на небо – тяжелые тучи висели над нами, грозя дождем, хотя день был теплым.

Эпизод с осами остался позади, и слава богу; но вопрос о том, как они попали в дом, так и остался неразрешенным.

Такое не могло произойти случайно: осы не вьют гнезда в букетах, тем более наполовину. Значит, насекомых подбросил недоброжелатель.

Что-то шевельнулось на соседнем участке, невольно приковывая к себе взгляд.

На втором этаже дома, соседнего с домом Сэл, качнулась занавеска. За ней угадывался чей-то силуэт – кто-то только что отошел от окна.

Кто-то следил за нами оттуда.

⁵ *Экстерминатор* – истребитель, губитель.

Глава 9

Три года назад

Тони

На следующий день я сидела за кухонным столом, заваленным неоплаченными счетами и ведомостями на пенсию Эндрю, и уже около получаса не выпускала из рук калькулятор: вводила цифры, умножала, делила и так далее. Но попытки свести приход с расходом оставались тщетными.

Мама ничего не знала о долгах. Мне было стыдно, к тому же не хотелось выслушивать бесконечные проповеди: почти все годы, что мы с Эндрю прожили вместе, кредитные карты были одной из главных статей нашего дохода. Мы много раз давали себе зарок остановиться, но каждый раз случалось что-нибудь непредвиденное – ломалась стиральная машина или газонокосилка, у кого-то из друзей или родственников случался день рождения, на который стыдно было прийти без подарка... в общем, список можно продолжать до бесконечности.

Долгов набралось столько, что больше нам не давали, а возвращать было нечем – каждый месяц получалось заплатить лишь самый минимум. Конечно, на проценты по кредитам уходила уйма денег, но нас больше волновало, как дотянуть до зарплаты.

После гибели мужа мне написали все банки, которым мы задолжали, и во всех письмах было написано одно и то же: поскольку, согласно имеющимся у них сведениям, держателем карт теперь становлюсь я, то, несмотря на недавнюю трагедию, они вынуждены с прискорбием сообщить, что отныне именно я несу личную ответственность за долги.

Концы опять не сошлись с концами, и я, раздосадованно швырнув калькулятор в сторону, взялась за «Ноттингем пост», открыв страницу, публиковавшую вакансии.

Конечно, выход на работу повлечет за собою кучу проблем. Один вопрос о том, куда девать Эви, чего стоит. Но ведь жизнь без денег – тоже не жизнь.

В Хемеле, еще до того, как забеременеть, я работала настолько успешно, что стала старшим менеджером небольшого частного агентства по продаже недвижимости, расположенного прямо в центре города.

В Британии агентства по продаже или сдаче недвижимости внаем есть буквально в каждой деревне. А значит, где бы вы ни жили, одно из них наверняка окажется рядом, и, если вам чуть-чуть повезет, то оно будет нуждаться в персонале.

Ничего, логистические проблемы как-нибудь решатся. Главное сейчас – найти работу, которая спасет нас от финансового краха. А уж как приятно будет хотя бы иногда побаловать Эви чем-нибудь особенным, да и купить что-нибудь в дом не помешает – наверняка пара ярких вещей сделает его уютнее.

В груди возникло неприятное ощущение – сердце будто подпрыгнуло, сделало кувырок и вновь встало на место. И так – несколько раз подряд.

Взгляд, блуждавший по комнате, остановился на сумке. День, конечно, только начался, но один раз, в виде исключения, наверное, можно...

Я уже почти поднялась, чтобы дойти до нее, но тут раздался звонок в дверь, и ноги подкосились, помешав осуществить замысел.

Никто ведь еще не знает, что мы здесь. Наверное, какой-нибудь коммивояжер решил заглянуть наудачу. Не буду открывать.

Звонок повторился.

– Мама, ТАМ КТО-ТО ПРИШЕЛ, – заорала Эви, перекрикивая телевизор.

Кто бы ни стоял на улице, он или она, – наверняка слышали крик. Пришлось перестать делать вид, будто дома никого нет, и плестись открывать.

На пороге стояла полноватая женщина средних лет. В шапке коротко стриженных густых кудрей просвечивали серебряные нити. За линзами очков бегали светлые глаза.

– Здравствуйте, – начала я, обрадованная ее неофициальным видом.

– Миссис Коттер? Я Харриет Уотсон из начальной школы Сент-Сейвиорз. – Она взглянула на меня поверх большой, туго набитой холщовой сумки, которую прижимала к себе двумя руками. – На следующей неделе Эви начинает учебу в моем классе.

Ужас!

В голове пронеслось воспоминание о том, в каком виде пребывает гостиная с разбросанным по ней конструктором «Лего», но было поздно: пришлось поспешно изобразить улыбку и отступить от двери, давая гостье войти.

– Какой приятный сюрприз... Прошу вас, входите, миссис Уотсон.

– Вообще-то мисс. – Учительница шагнула в крошечную прихожую и поставила сумку на пол. – Я поняла, что меня не будет в школе в тот день, когда вы записались на ознакомительное посещение, и решила заглянуть к вам сама, чтобы оставить небольшое задание для будущей подопечной.

Ее взгляд скользнул по моей футболке и легинсам с вытянутыми коленками.

– Надеюсь, вы не возражаете, что я вот так, без предупреждения...

– Конечно, нет, – ответила я, протянув руку. – Меня зовут Тони. Я мама Эви.

У Харриет Уотсон был приметный шрам: не очень длинный, сантиметра четыре, но глубокий, делящий пополам бледный, как тесто, лоб. Кудряшки над ним были невероятно гладкими, будто каждую из них обработали специальным воском.

– Тут у меня в основном прописи и материалы для чтения. – Харриет взяла меня за руку, ее пальцы, вялые и влажные, на мгновение прижались к моей ладони. – Если она одолеет хотя бы часть, это подготовит ее к началу четверти.

Тут из гостиной вылетела Эви и со всего размаху врезалась мне в бок.

– Осторожнее, – сказала я дочке, обхватывая ее одной рукой. Мне вдруг стало стыдно, что она еще в пижаме. – Это Эви.

– Здравствуй, Эви, – сказала Харриет.

– Здравсте.

– Мисс Уотсон – твоя новая учительница. Она принесла тебе прописи, чтобы ты позанималась перед школой.

– И кое-что почитать, – добавила Харриет.

Дочь устала на пузатый пакет у моих ног.

– Что надо сказать?

– Спасибо.

Мне стало неловко от того, что телевизор в гостиной орет во всю мочь. Вдруг Харриет решит, что я из тех матерей, которые позволяют своим детям день-деньской глядеть в ящик? И не особенно ошибется, кстати, – после переезда дел по горло, но как только все утрясется, с телевизором тоже станет иначе.

Было неприлично и дальше держать Харриет в убогой, продуваемой сквозняками прихожей. Спина вспотела от напряжения, и я оттянула ткань футболки, с облегчением почувствовав прохладный воздух.

– Проходите, пожалуйста, в гостиную.

Это прозвучало так царственно будто мы обитали в дорогуших апартаментах или пентхаузе на берегу Трента⁶.

– Извините, я еще не успела разобрать вещи после переезда.

Гостью проследовала за нами. Оказавшись в гостиной, я быстро схватила пульт и перевела телевизор на беззвучный режим.

– Наконец-то тишина, а то даже мыслей своих не слышу.

Секунду-другую я оглядывала комнату, пытаюсь увидеть ее глазами Харриет.

Ковер почти полностью скрылся под огромным замком из «Лего», который Эви соорудила все утро. Рядом с постройкой высились груды разноцветных блоков.

Перед телевизором пылилась разобранная игровая приставка, которую мама откопала на какой-то гаражной распродаже специально ко дню рождения внучки. Многочисленные проводки змеились и изгибались среди пустых стаканов и тарелок с крошками от тостов. Пахло печеньем и теплом человеческих тел.

– Эви, помоги прибраться здесь немного.

Это прозвучало как мольба.

Мелкая дрожь, возникшая, когда Харриет Уотсон позвонила в дверь, превратилась в полновесные и регулярные удары молота. Пот буквально заливал подмышки.

– Прошу прощения за беспорядок. – Глупо хихикнув, я раскинула руки, словно указывая на всю комнату разом. – Мы только что переехали.

Мисс Уотсон деловито кашлянула и зыркнула на Эви сквозь некрасивые круглые очки.

– А ты, юная леди, отчего не поможешь маме? Или ты умеешь только создавать беспорядок?

В горло точно воткнулась зубочистка, заставив тяжело сглотнуть. Наверное, надо было радоваться, что гостя на моей стороне, однако какое она имеет право ругать свою будущую ученицу в ее собственном доме?

– Ничего страшного, пусть лучше играет, – сухо ответила я.

Учительница молча поджала губы. Стало ясно, что ситуацию следовало спасать, а значит, пришло время прибегнуть к проверенному способу восстановления мировой гармонии.

– Мисс Уотсон, не хотите ли чашку чаю? – Выражение ее лица оставалось каменным. Переходить на обращение по имени она явно не спешила. – Если вы не торопитесь, мы могли бы поговорить на кухне.

Сухо кивнув, Харриет проследовала на кухню.

– Садитесь, пожалуйста. – Я бросилась заваривать чай, пеняя себе за то, что так и не собралась в магазин за покупками: в доме не осталось ни единой завалящей печенюшки, а в наши кружки ушли последние капли молока.

Однако, поставив чай на стол, я почувствовала, что напряжение постепенно уменьшается. Мы немного поболтали о погоде, но радоваться было рано: только я облегченно выдохнула, как сообразила, что мисс Уотсон сидит лицом к тем самым счетам, которые я просматривала до ее прихода.

– Извините, позвольте убрать. – По телу пробежала волна жара. Документы были поспешно сложены в неопрятную кучку и отодвинуты на край стола.

Харриет промолчала, словно не интересовалась бумагами, лежавшими у нее прямо под носом. Что ж, хорошо бы, если б это действительно оказалось так.

– Итак, – начала она, пригубив чай и ставя чашку на стол. – Расскажите мне об Эви.

Я сказала, что Эви любит читать, а еще может часами напролет строить дома и башни из кирпичиков «Лего».

⁶ *Трент* – одна из крупнейших рек Англии. Берет начало в Стаффордшире и впадает в Северное море, минуя Ноттингемшир, Дербишир, Линкольншир и Йоркшир.

– Я стараюсь поощрять ее в этом, ведь мелкая моторика тоже важна, правда? На мой взгляд, сегодня в школе слишком много внимания уделяют знаниям, а не практическим навыкам.

Преподавательница фыркнула и сделала еще глоток.

Потом я рассказала о друзьях Эви из старой школы – дети даже ночевали друг у друга в выходные, по очереди.

– Все изменилось после несчастного случая с Эндрю, моим мужем. Эви было тяжело это пережить. Пренная жизнь для нее закончилась.

Я хотела добавить, что тяжело пришлось нам обоим, но сдержалась. Самое главное, чтобы она поняла, что все это значило именно для Эви.

– Как это произошло? Несчастный случай с вашим мужем?

У меня перехватило дыхание. Опыт подсказывал: чтобы отвязаться от расспросов и при этом не расплакаться, надо отвечать быстро и просто, придерживаясь фактов.

– Это случилось в Афганистане. Их автомобиль упал с обрыва. Двое погибли, включая Эндрю.

Харриет покивала головой, но ничего не сказала.

– Один солдат скончался на месте, Эндрю довели до госпиталя. У него были множественные травмы черепа. Через несколько недель его вернули на родину, и у нас даже появилась надежда, что он поправится, но пару дней спустя...

Гостья не издала ни звука в ответ, не сделала попытки утешить, и от этого почему-то стало легче.

– С тех пор прошло два года. Мама уговорила меня переехать сюда, в Ноттингем, чтобы мы могли начать жизнь с чистого листа.

– Поэтому вы здесь. Вы и ваша дочка.

– Эви пришлось многое пережить. Куда больше, чем ее сверстникам. Так что наш приезд сюда – действительно шанс начать все сначала.

Харриет смотрела не отрываясь, и на секунду-другую меня посетила безумная мысль, что она изо всех сил сдерживает улыбку.

Глава 10

Три года назад

Тони

Когда гостья ушла, я вернулась на кухню, села за стол и несколько минут сидела молча.

Харриет Уотсон была... странной. Слушая рассказ про то, как в нашей жизни все пошло наперекосяк, она ни словом, ни звуком не выразила сочувствия, как обычно пытались делать другие люди; наоборот – выглядела безразличной к моим несчастьям.

Но это даже придавало уверенности.

Впервые в жизни я эмоционально раскрылась перед совершенно чужим человеком, хотя и незачем было посвящать ее во все подробности. Но ничего не поделаешь – оставалось только надеяться, что моя откровенность поможет лучше понять Эви. В том числе и неизвестно откуда взявшиеся в последнее время нетерпеливость и упрямство, которые беспокоили меня сильнее всего.

Вдох. Выдох. Вдох...

Во рту стало слишком сухо, ладони вспотели, сердце забилось тяжело и гулко, как большой барабан.

Тяжелые мысли до добра не доводят.

Я потянулась за сумкой и дрожащими руками извлекла заветный пузырек с таблетками – угловатыми, бледно-голубыми. На аккуратном белом ярлычке четкими печатными буквами было написано имя Эндрю.

Ничего не случится, если принять одну. Только одну. Чтобы притупить переживания, испытанные за утро, потому что так психовать нельзя. От этого нет совсем никакой пользы, только вред.

И вообще, я слишком строга к себе. Многие люди, чтобы справиться со стрессом, выпивают по паре бокалов вина на ночь, и никто их за это не осуждает; наоборот, рассматривают как повод для шуток, и только.

Только одна таблетка. Ее действия как раз хватит, чтобы снять напряжение и ненадолго забыть о проблемах.

Хотя бы на один день.

Глава 11

Три года назад

Тони

Я почувствовала, как меня встряхнули – сначала мягко, потом сильнее, – но ушла слишком глубоко в сон и не хотела ни реагировать, ни возвращаться. Это так приятно – лежать на восхитительно мягких подушках! Хотя бы меня оставили в покое...

– Мамочка! – Тревожный голосок доносился как будто сквозь туман. – Мамочка, я кушать хочу.

Я открыла глаза, моргнула и снова закрыла.

– Мама, просыпайся! Мне надо тебе что-то сказать.

Эви всем весом навалилась на мою руку.

Я опять открыла глаза, зажмурившись от резкой головной боли, но постепенно силуэт дочери начал приобретать отчетливые черты.

– Кто-то стучал в дверь. Я не ответила, как ты меня учила, мамочка. Я спряталась.

– Умница девочка. – Слова отчетливо прозвучали в мозгу, но наружу прорвалось лишь сиплое карканье.

Эви встала и вышла из комнаты.

– Подожди, – оклик получился откровенно жалким, потому что вместо слов выходила сплошная путаница.

Дочка вернулась со стаканом воды, помогла принять сидячее положение, пристроилась рядышком на диване и поднесла стакан к моему рту. Прохладная вода освежила запекшиеся губы, язык и гортань.

– Спасибо тебе, милая, – выдавила я, борясь с приступом тошноты и головокружения. Отчаянно хотелось упасть на подушки и снова заснуть, но я удержалась и сосредоточила взгляд на заплаканной мордашке дочки.

– Ты плакала, – вырвался из моего горла сиплый шепот.

– Я кричала тебе прямо в ухо, **ОЧЕНЬ ГРОМКО**, но ты не открывала глаза и не просыпалась.

– Прости меня. – Я обхватила ее одной рукой, притянула к себе и поцеловала в теплую шелковистую макушку, чувствуя, как сводит желудок. – Мне так жаль, честное слово...

– Я кушать хочу. Сделай мне тост, а потом я съем банан и крем для пудинга.

От одной мысли о том, что придется возиться с едой, меня едва не вывернуло наизнанку.

– Потерпи две минутки, родная. Сейчас мама придет в себя, встанет и приготовит тебе чай.

Взгляд упал на круг циферблата. С момента принятия таблетки прошло два часа.

И тут я вспомнила, что приняла не одну таблетку, а две. Хотя обещала себе перед этим, что одной будет более чем достаточно!

А если б Эви опрокинула на себя горячий чайник? Или упала с лестницы?

Я подвергла опасности свою дочь, своего самого близкого и любимого человека.

Нужно срочно что-то предпринимать.

Нужно срочно завязывать с таблетками.

* * *

Конечно, на то, чтобы прийти в себя, потребовалось не две минутки, а больше, но дочка не жаловалась.

Пока я сидела, бессмысленно, словно зомби, уставившись на грудку кирпичиков «Лего» в центре комнаты, Эви объясняла, что ее новый шедевр – это такой ковчег для всех бездомных животных, и как я ни старалась убедить ее, что слушаю внимательно, судя по тому, как она хмурилась, по несколько раз повторяя одно и то же и растягивая слова, провести ее не удалось.

Наконец я решила, что, пожалуй, вполне способна встать, добраться до кухни и приготовить тосты.

Там ничего не изменилось: две немытые чашки с остатками чая, кипа бумаг.

Я взяла чашки, чтобы перенести их в раковину, и случайно посмотрела на календарь. И чуть не подпрыгнула, увидев, какое сегодня число.

Сегодня был ознакомительный визит в школу Эви.

Пришлось схватиться за края стола, чтобы подождать, когда кухня перестанет вертеться перед глазами.

Надо позвонить в школу. Скажу, что заболела. Не откажутся же они перенести визит на другое время?

Взгляд скользнул по счетам и другим бумагам, среди которых была газета, открытая на странице с вакансиями.

Оставалось еще столько дел... Можно с утра до ночи приводить в порядок жилье. Но не было ни сил, ни желания.

Я уже хотела было смять газету и отправить в мусорное ведро, как увидела объявление.

Помощник в агентство по сдаче жилья – неполный рабочий день.

Требуется срочно в «Агентство недвижимости Грегори», небольшая частная компания в Хакнелле, центр.

Отыскав карту, я выяснила, что Хакнелл – это городок в трех с небольшим километрах от Булвелла и что туда ходит автобус, в который можно сесть на самом краю нового квартала. Полезная информация на случай, если все-таки придется отказаться от автомобиля, до тех пор пока не наскребется достаточно денег на ремонт.

Конечно, помощник агента по сдаче жилья – это совсем не то же самое, что менеджер филиала агентства. Но что поделаешь – как любит говорить мама, «нищие не выбирают».

Для тех, кто заинтересуется вакансией, в объявлении была ссылка на интернет-ресурс с описанием должностных обязанностей и требований к кандидатам.

Я подтянула к себе лэптоп и подключила его через телефон к интернету – мое письмо интернет-провайдером с просьбой провести домашний интернет не через месяц, а раньше так и не получило никакого отклика.

Загрузка шла невероятно медленно, но в итоге должностные обязанности оказались именно такими, как я и предполагала: сбор информации об объектах недвижимости, сдающихся внаем, организация фотосессий; продвижение на рынок и реклама жилья, сдающегося внаем; консультирование клиентов и помощь потенциальным арендаторам; сбор информации о любых проблемах с жильем, которые агентство помогает решать в интересах владельцев.

Такую работу я могу делать с закрытыми глазами, но радости от этого было мало, так как в требованиях к кандидатам черным по белому значилось: «Опыт работы приветствуется, но не является обязательным». Ясное дело, что работник с большим стажем вряд ли вызовет интерес. Оставалось только надеяться, что руководство решит не упускать выгоду и возьмет специалиста, даже если не сможет платить ему ту зарплату, на которую он вправе претендовать.

Я сохранила образец заявления себе в компьютер и посмотрела на дату, до которой принимались заявления. Осталось всего три дня.

В животе словно запорхали бабочки.

До чего же это здорово – снова ощутить контроль над своей жизнью... Наконец-то я снова иду вперед, делаю что-то реальное для себя и своей дочери, а не топчусь на месте, полагаясь только на краденые таблетки покойного мужа.

Глава 12

Три года назад

Дневниковая запись, 25 августа

Последовательность событий

Прибытие в пункт наблюдения: 07.30

08.21 Объекты прибывают в дом в серебристом «Фиат Пунто» CVO6 HLY. Адрес: полуотдельный⁷ дом № 22 по Мюриэл-кресент, Булвелл, Ноттингем.

08.46 Мать отвозит ребенка в группу дневного пребывания «Тигрята» на Брокстоу-лейн, Ноттингем. В доме остается бабушка.

09.02 Мать возвращается. Тишина в доме.

11.45 Мать едет за ребенком в группу.

12.01 Мать и ребенок возвращаются в дом.

12.17 Прибывает мебель.

13.06 Букет доставлен.

13.13 Результат достигнут.

Отход с места наблюдения: 13.15

Общие замечания:

– Взрослые демонстрируют признаки подавленности.

– Девочка бодра и весела.

– Люди в районе необщительны, соседи не обращают внимания на то, что происходит вокруг.

– Преобладают безработные и люди с низким доходом, дома охраняются плохо.

– Бабушка живет неподалеку, в Натхолле.

Ожидаю дальнейших инструкций.

⁷ Дом, разделяющий общую стену с соседним домом

Глава 13

Три года назад

Тони

Внезапно возникшая возможность вернуть контроль над своей жизнью вдохновляла так сильно, что целых два дня я трудилась не покладая рук: распаковала почти все мешки и коробки, расставила и развесила по местам вещи на первом этаже... или, по крайней мере, занесла их в те комнаты, где им полагалось быть.

Последнюю коробку открыла прямо в гостиной и с облегчением выдохнула: наконец-то всё, а то уже начали закрадываться опасения, что может отказать поясница.

– Мама, в моей комнате некуда класть мягкие игрушки. И разложить «Лего» по цветам и формам тоже некуда.

Я подняла голову. Эви стояла в дверях, уперев руки в бока.

– Знаю, милая. Сложи их пока в кучки вдоль стенки. Скоро мы закажем новую мебель.

Дочка неодобрительно фыркнула и затопала наверх. В ее старой детской целая стена была занята шкафами и шкафчиками, за зеркальными дверцами которых скрывались разные детские сокровища.

Теперь, когда с коробками и мешками было почти покончено, пришла пора составить список вещей, необходимых в первую очередь: два комода и платяной шкаф в детскую комнату – в старом доме вся мебель в спальне была встроенной.

В гостиную надо будет купить ковер и журнальный столик – те, которые у нас были, я по глупости залила свечным воском как раз перед переездом. Новые занавески, жалюзи для кухни... список разрастался, а с ним и мое уныние.

Дело кончилось тем, что я запихнула список в ящик стола на кухне и запретила себе думать о том, на какие шиши все это будет куплено. Впрочем, если удастся получить работу в агентстве недвижимости, то все получится, ну а если нет... вот тогда и буду голову ломать.

Весь день я дергала себя за волосы, грызла ногти, выпила несколько литров кофе, но так и не пошла наверх, в ванную, где в углу шкафчика, за тампонами и средством для депиляции, хранились заветные таблетки, твердо решив: обойдусь без коричневой стеклянной бутылочки, полной волшебного забытья, потому что рано или поздно эта магия вымостит мне дорогу в ад. Необходимо перетерпеть. Не поддаваться соблазну именно сейчас, иначе где еще мне провести черту?

Зазвонил мобильник. Отвечать не хотелось, но имя на экране четко давало понять: отсутствие реакции сейчас приведет к тому, что ровно через час мою дверь откроют снаружи.

– Тони, детка, это я, – послышался мамин голос. – Ты точно не хочешь, чтобы я приехала? Я сейчас абсолютно ничем не занята.

– Нет, мама, спасибо, у нас правда всё хорошо. Эви у себя, расставляет игрушки, а я в гостиной, разбираю последнюю коробку.

– Ну, как знаешь. – Судя по всему, она обиделась. Мое горло моментально сдавило чувство вины.

– А давай мы заедем к тебе чуть позже, вместе чаю попьем?

– Хорошо. Я поставлю чайник около четырех. Вас устроит?

– Конечно! До встречи.

Мама никогда не отказывалась от участия в моей жизни, даже когда я вышла замуж. Я любила ее за это, но переезд в Ноттингем должен был стать для нас с дочкой новым началом на всех фронтах. Хотелось вернуть не только контроль над своей жизнью, но и самоуважение, которое в последние два года сошло с меня, как старый лак с ногтей.

Вот почему всякий раз, думая о деньгах, которые раз за разом выкладывала мама, чтобы помочь нам с Эви, я заливалась краской аж до лопаток. В тридцать пять лет нужно уметь самой зарабатывать на жизнь. Не только свою, но и дочери.

Но для этого необходимо отыскать себя прежнюю – ту, которая ставила перед собой цели и достигала их, сделала карьеру, параллельно управляясь с обычными женскими обязанностями – муж, дом, ребенок...

Или это слишком много и нужно быть скромнее в своих желаниях?

Гибель Эндрю выбила у меня почву из-под ног. Я знала, что никогда не оправлюсь от этой утраты полностью, сколько бы времени ни прошло и что бы ни ждало в будущем.

Хотя всё могло быть и хуже.

Например, будь Эви немного старше, потеря отца травмировала бы ее на всю жизнь – а так она вырастет и забудет. Конечно, я не дам ей забыть, что у нее когда-то был отец, но она имеет право жить своей жизнью, не омраченной горем и болью от его потери.

Я знала, что мне по силам помочь ей в этом, как знала и то, что коричневый пузырек ведет в сторону, противоположную моей цели. Нельзя искать легкий выход после того, как решила построить жизнь заново.

Но, как часто бывает в жизни, одно дело – знать, как поступать правильно, и совсем другое – так и делать.

Коричневый пузырек помогал спрятаться от боли, которую причиняла мысль о том, что Эндрю больше нет. Каждая принятая таблетка ненадолго отодвигала встречу с горем лицом к лицу, чтобы принять его и сделать частью своей жизни. «Позже, – словно говорила я себе, – когда успокоюсь».

Вот и мама с ее неизменной готовностью поддержать стала чем-то вроде костыля. Но привыкать к нему было нельзя, ведь это несправедливо по отношению к ней. Да, мама любит меня и Эви и потому считает своим долгом помогать и заботиться о нас, но у нее должна быть и своя жизнь.

Я снова вспомнила о вакансии в агентстве недвижимости и ощутила прилив надежды. Срок действия объявления истекает завтра, а значит, надо написать и отправить заявление сегодня.

Правда, если эта работа достанется мне, то присматривать за Эви опять будет мама, а это нехорошо: она ее совсем разбаловала. Видно, с любимой внучкой она часто забывает о том, что есть на свете такое слово – «дисциплина», хотя, когда маленькой была я, легко держала меня в ежовых рукавицах.

Папа был добрым, и ему тоже нередко доставалось – то он подмигивал мне у нее за спиной, пока мама отчитывала меня за что-нибудь, то таскал наверх сласти и комиксы, когда я сидела у себя в комнате, наказанная за дерзость или другой проступок.

А потом у папы случились два сердечных приступа, один за другим, и мы его потеряли.

После этого мама стала еще строже.

– Для твоего же блага, – выговаривала она всякий раз, когда я жаловалась, что для получения карманных денег нужно писать контрольные на отлично и вылизывать свою комнату до чистоты, которая казалась просто маниакальной на фоне того, что царило в комнатах моих подружек. – Привыкнешь к труду сейчас – найдешь хорошую работу, будешь зарабатывать и ни от кого не зависеть, а не биться за каждый фунт, как я сейчас, после смерти папы.

Тяжело вздохнув, я вернулась в гостиную и взялась за последнюю коробку. Какая ирония: моя жизнь с хорошей работой, зарплатой и независимостью закончилась тем же, чем и у мамы.

Но ничего, все еще будет хорошо.

Я все начну сначала, по-настоящему.

И первым важным шагом на этом пути станет новая работа.

Глава 14

Три года назад

Тони

В пятницу утром мама взяла Эви к себе, так что я получила возможность закончить с откликом на вакансию и ближе к обеду отправила по электронной почте резюме вместе с сопроводительным письмом.

Потом сделала себе сырный сэндвич и съела его, просматривая заголовки новостей. Тем временем в прихожей шелкнула крышка почтового ящика, и на коврик у входной двери с шорохом упала почта.

Покончив с ланчем, я сходила в прихожую и унесла в гостиную небольшую стопку бумаг, среди которых не было ничего нового: глянцевые листовки с рекламой пиццы, лакированные брошюры вперемешку с письмами от коммунальщиков, адресованными «Новому Арендатору/Собственнику»...

Вдруг я увидела другой конверт, надписанный от руки. Надорвала симпатичную сиреневую бумагу и обнаружила внутри открытку «С новосельем» и письмо от моей старой подруги Тары Боуэн – это ее муж, Роб, попал в аварию вместе с Эндрю.

Письмо было небольшим, полстраницы формата А4, напечатанным на принтере, но когда я закончила, у меня защипало глаза.

Тара, конечно, интересовалась, как мы с Эви устроились на новом месте, и надеялась, что получится оставаться на связи и впредь. Она была самоотверженной женщиной – все время участвовала в волонтерских программах помощи бездомным животным да еще работала на полную фельдшерскую ставку в ветклинике. А потом ее жизнь пошла под откос, по той же причине, что и наша.

О себе Тара сообщила лишь одно, да и то в последней строчке: ей поставили диагноз «рассеянный склероз».

Она никогда не жаловалась и не любила говорить о своих проблемах, вот и тут писала коротко и просто: «Кстати, у меня подтвердился РС. Теперь хотя бы понятно, от чего у меня бессонница».

Закончив чтение, я свернула письмо, вложила его в конверт и долго сидела, следя за танцем крошечных круглых радуг на противоположной стене, – это солнечный свет из окна преломлялся сквозь хрусталь прекрасной вазы, подарка от Эндрю незадолго до смерти.

Да, куда легче погрязнуть в своих проблемах и без конца жаловаться на то, чего у тебя нет, чем радоваться тому, что еще не отнято. Последняя строчка письма Тары заставила меня по-иному взглянуть на жизнь.

Разве моя подруга жалуется, несмотря на то, что судьба обошлась с ней по-настоящему несправедливо? Она даже не начинала.

Внутри загорелась решимость: пора уже наконец взять себя в руки и привести жизнь в порядок.

Словно поддерживая меня в благих начинаниях, запищал лэптоп. Пришло новое сообщение.

Невероятно, но факт: это было письмо от «Агентства недвижимости Грегори» с приглашением явиться на интервью в понедельник, к трем часам дня.

Во рту и в горле сразу пересохло так, что я едва не поперхнулась.

С одной стороны, под ложечкой приятно защекотало, словно бабочки захлопали крыльями. Меня позвали на собеседование! Это так здорово!

Но, с другой стороны, в понедельник Эви идет в школу, и хотелось бы самой отвести и забрать ее. Это ведь ее первый день...

Пульс участился вдвое. Так мне, по крайней мере, казалось.

Надо было срочно поделиться новостью с кем-нибудь, поэтому я схватила телефон и настрочила эсэмэску маме:

«Пон. собесед. на работе, о кот. я тебе рассказывала! Закончу за 20 мин. до конца у Эви».

Это было совершенно неожиданно. Судя по всему, мой послужной список впечатлил агентство, раз ответ пришел настолько быстро.

Но радоваться еще рано. Демонстрировать компетентность на бумаге легко, а вот пройти интервью гораздо сложнее. Вдруг они решат, что мне недостает опыта именно в их сфере деятельности? Или что я слишком стара для должности помощника?

Мама молчала.

Итак, первая же попытка найти работу оказалась успешной, и это вселяло уверенность и вызвало волнение одновременно.

Нервы натянулись как струны, дыхание участилось.

Пару недель назад я закачала на телефон приложение с дыхательными упражнениями для релаксации под соответствующую музыку. Это было то, что нужно. Правда, сосредоточиться на голосе диктора не получалось: мысли упорно крутились вокруг коричневого пузырька в ванной. Он манил, звал к себе, и после того, как закончился первый этап упражнений, стало понятно, что внутреннее напряжение не только не прошло, но даже усилилось.

Тогда я вскочила и, схватив ключи, выбежала из дома, пока зов голубых пиллюль не сделался непреодолимым.

* * *

– По-моему, ты поторопилась с работой, – с места в карьер начала мама, едва я переступила порог кухни. Сердце упало: меньше всего на свете хотелось спорить с ней об этом сейчас. – Сначала создай для дочери уютный дом и помоги ей привыкнуть к школе.

– Для уютного дома нужны дополнительные деньги. К тому же работа не на полный день, так что по утрам я буду отвозить ее в школу сама.

– Я не хочу больше в детский сад, мама, – стала канючить Эви, обняв меня за шею. – Бабуля говорит, что это не обязательно.

– Что ты ей наговорила? – Я тут же прикусила язык, но несказанные слова так и горели на языке, словно кислота.

– Ничего. Сказала только, что мама, может быть, снова будет ходить на работу, и тогда...

– Зря ты завела с ней этот разговор. Я все ей объясню сама, в свое время. – Слова сами сорвались с языка. – В конце концов, я – ее мать.

– Думаешь, мы не знаем? Мы прекрасно знаем, что ты – ее мать.

Подтекст был ясен так, как если б она выкрикнула мне прямо в лицо: «Ты – ее никчемная, ненадежная мать, которая шагу не может ступить без моей помощи».

Вот и еще одна причина, по которой пора было налаживать жизнь заново.

А пока я прикусила язык и опустила глаза. Нельзя допустить, чтобы мама вошла в состояние молчаливого протеста, а то будет дуться неделю – такое уже бывало, и не раз.

Как ни трудно было признавать это, но факт оставался фактом – без ее помощи не обойтись.

Глава 15

Три года назад

Тони

Ранним воскресным утром я проснулась словно от толчка.

Что-то зашумело снаружи. Или показалось? Когда так резко просыпаешься, всегда трудно понять, что ты действительно слышишь, а что только снится. Некоторое время я лежала, затаив дыхание и глядя в потолок, но звук не повторился.

Сердце билось как бешеное, а ладони стали мокрыми от пота.

Окно спальни выходило на улицу. Я выскользнула из постели и подошла к нему. Напротив, освещенные фонарями, белели новые мьюзы⁸ – точные копии наших. Одинаковые, как кукольные домики, они стояли плечом к плечу, залитые неестественно-оранжевым светом.

И ни души кругом. На часах – три. В каждом окне спущены жалюзи, задвинуты шторы. Похоже, все остальные люди крепко спят. Наверное, шум мне все же приснился.

Возвращаться в кровать не хотелось, ноги просили разминки. Все еще непривычное пространство нового дома кололось, как необношенный свитер, так что я вышла на площадку и заглянула к Эви. Та мирно спала – об этом говорило ее ровное дыхание.

Постояв у двери дочери еще немного, я вернулась к себе и села на край кровати, чувствуя как пружины дешевого матраса вдавливаются в тело.

Вдоль стены стояли черные мешки с одеждой – в последнее время вся она начала болтаться на мне мешком. В углу кучковались туфли, поверх которых валялись пальто и шляпа. Получившаяся композиция напоминала куклу Гая Фокса⁹, готовую к костру. В другом углу сиротливо ютилась стопка ношеного белья.

Да, многое уже было приведено в порядок, но до своих вещей руки пока не дошли. Обустроить на новом месте оказалось так тяжело, что все время возникало ощущение подъема на высокую гору.

Попытка заснуть потерпела полнейший крах: спустя час я все еще продолжала ворочаться, отлежав себе все бока.

Тело болело.

После смерти Эндрю болела даже кожа. Я казалась себе старым непарным носком, который вывернули наизнанку и бросили в темный угол, где он и лежит, бесполезный и никому не нужный. Я словно убивала время в ожидании, когда же вернется муж, а жизнь проходила мимо. В старом доме я часто играла в игру: притворялась, что он просто в командировке и через день-другой вернется, откроет дверь и войдет в дом.

А еще помогали таблетки. Они притупляли боль, обкладывали ее ватой и убирали куда-то внутрь, так глубоко, что она на время переставала ощущаться. Страшная реальность отступала, и так проходил еще один длинный день.

Я встала и пошла в ванную. Противиться зову больше не было никаких сил.

Сегодня мне нужна помощь.

⁸ *Мьюзы* (мьюзхаузы) – малоэтажные дома, расположенные вдоль одной или двух сторон переулка или проезда.

⁹ Самый известный участник Порохового заговора против короля Якова I (1605).

Глава 16

Три года назад

Эви

Эви снова и снова будила маму, но та не просыпалась, хотя давно уже пора было вставать. Девочка видела это по тому, как солнце пронизывало насквозь тонкие цветастые занавески, и в конце концов пошла вниз одна.

Когда они жили в другом доме, мама ходила на работу и утром всегда одевалась невероятно красиво, совсем как кукла Барби. В те дни ее глаза были яркими и никогда не закрывались днем.

Всё стало по-другому, когда папа ушел жить к ангелам. Мама перестала ходить на работу, перестала красить глаза тенями с искорками и душиться духами, которые особенно любила Эви: они пахли цветами и жевательной резинкой.

Уже на нижней ступеньке лестницы стало страшно: а вдруг осы вернулись?

Эви решила не ходить в гостиную, пока мама ее не проверит, и свернула в кухню. Пол здесь был голым, и на нем мерзли ноги, а еще не было телевизора и нельзя было включить Си-би-биз¹⁰.

Девочка встала на стул и потянула с полки коробку хлопьев «Фростед шреддиз»¹¹. Чистых тарелок не было, и она, завернувшись в одеяло, устроилась на стуле и запустила руку прямо в упаковку, как взрослая. Взрослым никто не запрещает завтракать печеньем или пирожными, им можно не наливать молоко в хлопья и даже есть руками.

Ей стало весело. Стянув со стола своего плюшевого кролика по кличке Флопси, Эви посадила его на соседний стул.

– Не начинай. Как я скажу, так ты и сделаешь. Ты ведь не хочешь меня расстроить, правда?

Флопси молчал. В отличие от нее самой, он никогда не плакал, когда мама была рассержена.

Эви знала: ему не нравится на кухне, потому что он хочет смотреть телевизор.

– Мама УСТАЛА. Так что перестань, пожалуйста, ныть, сколько можно?

Девочка со вздохом взглянула на груды грязных тарелок в раковине. Иногда мама забывала, что в доме нет чистых тарелок или чашек, и тогда приходилось напоминать ей об этом, много раз.

Когда в животе перестало урчать, Эви слезла со стула, на цыпочках подкралась к гостиной и прислушалась. Внутри никто не жужжал, и это придало ей смелости приоткрыть дверь – чуть-чуть, так, чтобы даже самая маленькая оса не пролезла. Внутри было по-прежнему тихо.

Расхрабрившись, малышка накинула на голову одеяло, подбежала к дивану, включила телевизор, но сразу же бросила пульт и, задыхаясь от ужаса, выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Вокруг не было ни единого насекомого, даже мухи, но осторожность не помешает. Те осы тоже хорошо спрятались в букете. Так хорошо, что их даже мама с бабушкой не заметили.

¹⁰ Си-би-биз – британская детская телесеть под руководством Би-би-си.

¹¹ Марка хлопьев для завтрака, приготовленных из решеток цельнозерновой пшеницы. Бывают как без ничего, так и с разными вкусами.

К тому же мама еще спит, и если осы вернутся, то Эви не будет знать, что делать – она ведь не знает, как позвонить мистеру Стрижу, истеринатору. Значит, помощи ждать неоткуда.

Пришлось вернуться на кухню, на ходу потирая кулачками глаза, и первым делом скорчить рожицу своему кролику, который по-прежнему сидел на стуле.

– И не смотри на меня так. Ишь, тихоня выискался – на тебя поглядеть, так прямо масло во рту не растает.

Сидеть на кухне было совсем не весело – холодно, скучно и нечем заняться.

И тут с улицы донесся веселый крик и чей-то смех.

Эви подошла к входной двери и прижалась лицом к стеклу, так, что нос побелел и расплющился, но все равно ничего не увидела. Мама говорила, это потому, что стекло рифовое, то есть неровное.

Снова слышались смех и визг. Похоже, кому-то очень весело... А вдруг это приехали ее друзья из Хемеля?

Эви побежала наверх.

– Мама, просыпайся, – она потрясла мать за руку. – Я хочу гулять!

Но мама не шевелилась.

– Мамочка, ну пожалуйста-а! Ну, проснись уже!

Девочка выпрямилась, топнула босой ножкой и снова побежала на кухню. А вдруг друзья решат, что Эви здесь нет, и уедут? Ей совсем этого не хотелось.

В замке торчал ключ. Эви покрутила его, подергала ручку – дверь не поддавалась. Она еще раз повернула ключ, сначала в одну сторону, потом в другую, вытащила его и снова вставила в замок.

И вдруг, при резком повороте влево, послышался щелчок. Дверь открылась, и теплый ветерок пощекотал щеки, так что Эви улыбнулась и подняла лицо к солнцу.

Но во дворе никого не было.

Улыбка погасла. Девочка села на крыльцо и стала возить пальцами в пыли.

– Бастер, принеси! – донеслось откуда-то со стороны.

Кто-то забавно взвизгнул, из-за кустов вылетел теннисный мячик и шлепнулся в траву.

Из-за тех же кустов выкатился комок коричнево-белой шерсти и, звонко таявкая, покати́лся к мячу.

Щенок! Живой, самый настоящий!

– Привет, малышка, – раздался голос. По ту сторону живой изгороди стоял высокий прыщавый человек и смотрел на нее. – Тебя как зовут?

Глава 17

Три года назад

Тони

Я открыла глаза. В спальне было светло как днем, но я не сразу поняла, где нахожусь.

– Эви? – Ответа не было. – Эви!

Я натянула легинсы, футболку и сбежала по лестнице на первый этаж. В пустой гостиной работал телевизор.

Кухонная дверь была приоткрыта, из замка с внутренней стороны свисал ключ.

Солнце местами прорвало толстый облачный покров, и лучи, процеживаясь сквозь толстое стекло входной двери, неровными световыми заплатами ложились на пол прихожей. Наверное, скоро полдень, подумала я, вертя головой в поисках часов, которых внизу пока не было. Господи, неужели я так долго спала?

– Эви! – завопила я, сунула ноги в шлепанцы у дверей и в спешке чуть не перелетела через порог. Остановившись на крыльце, окинула взглядом клочковатый газон и край уродливой изгороди.

Эви во дворе не было.

Я задышала так часто, что просто не успевала набрать достаточно воздуха в легкие и чуть не упала, но вовремя ухватила обеими руками за колченогий пластиковый стул, который стоял тут же, на крыльце. Одна его ножка поехала под моей тяжестью, я оступилась и подвернула щиколотку, вскрикнув от боли.

– Mamочка! – Через дырку в живой изгороди, с двух сторон надежно укрытую листвой и потому незаметную, пролезла на четвереньках сияющая Эви.

– Что ты там делала?! Где ты пропадала?

– Это я виноват, извиняюсь. – Над изгородью показались голова и плечи высокого, тощего юнца, который ухмылялся, показывая гнилые зубы. – Она захотела посмотреть на щенка.

Какой избитый трюк... Нет такого родителя в стране, который не твердил бы своему ребенку: не ходи с чужим дядькой, когда тот зовет посмотреть на котенка или щенка.

– А ты кто такой? – вырвалось у меня. – Я уже с ног сбилась ее искать. Думала...

– Я Колин, – ответил он и нахмурился. – Ма ведь говорила тебе, в первый день, когда вы въехали.

Так вот это кто – старший сын Сэл, уголовник...

– Ты в порядке? – спросил он, глядя на меня холодными глазами. – А то у тебя такой вид, как будто щас вырубись.

– Нет, я, бл... – Рядом стояла Эви и слушала, округлив глаза. Пришлось придержать язык. – Нет, я НЕ в порядке. Какой тут может быть порядок, когда какой-то человек, *мужчина*, которого я никогда в жизни не видела, увел с участка мою дочь, даже не спросив моего разрешения!

– Слушай, ты, – с места в карьер перешел он в нападение. – Девчонка сама пролезла под изгородью, когда услышала, как я во дворе играю с Бастером. И торчит она тут уже фиг знает сколько. Спрашивается, где ты была все это время?

– Эви, домой, живо.

– Mamочка, нет! Колин сказал, что я могу покормить с ним Бастера!

Еще бы!

– Домой. БЫСТРО! – не сдержавшись, рявкнула я и едва не лопнула от злости, увидев, как Эви посылает умоляющий взгляд этому Колину в надежде, что он защитит ее *от меня*.

– Иди-ка ты лучше домой, малютка. А то как бы у твоей мамочки грыжа со злости не вылезла.

Я протянула к дочери руку, чтобы обнять ее, но она вывернулась и яростно затопала к дому.

– ТАК НЕЧЕСТНО! – крикнула уже с крыльца и изо всех сил хлопнула дверью.

Я со злостью уставилась на Колина, но тот уже сменил тактику и ухмыльнулся:

– Славная у тебя дочурка растет, ничего не скажешь. Миленькая такая.

Входя в дом, я чувствовала себя так, словно вывалилась в грязь. Эви находилась в гостиной.

– Эви, – ровным голосом начала я, входя в комнату. – Никогда больше не ходи туда без спросу. Понятно?

Дочь сидела под «щитом от ос», как она называла теперь одеяло, и, не повернув головы в мою сторону, смотрела телевизор. На полу посреди комнаты валялась пустая коробка из-под хлопьев, еще дальше – ложка. Локти и колени ее пижамы позеленели от травы – значит, на выброс, такое уже ничем не отстирать. Нечесанные волосенки всклокочены, в уголках рта прилипли крошки.

Часы показывали десять тридцать. Значит, ребенок был предоставлен себе последние часа четыре, не меньше.

Я взяла пульт и выключила телевизор. Вибрирующая тишина встала между нами стеной.

– Ты поняла, что тебе сказано? Нельзя уходить из дома одной. Это опасно.

– Я хотела сказать тебе, мама. – Эви смотрела на меня мокрыми, широко раскрытыми глазами. – А ты все спала и спала и никак не просыпалась.

Я зажала ладонью рот и закрыла глаза. Отвращение к себе раскаленной проволокой сдавило горло.

Господи, да что же это?

Глава 18

Три года назад

Тони

Утро понедельника выдалось не таким спокойным и размеренным, как хотелось бы.

Прежде всего, я проснулась, чувствуя себя разбитой, точно с похмелья, хотя к таблеткам не прикасалась уже больше суток.

Воспоминание об осах до сих пор тревожило Эви, не говоря уже о красных зудящих ранках от их укусов, оставшихся на ее лице и руках.

– Мамочка, застегни мне, пожалуйста, кардиган, – попросила она чуть ли не шепотом. Вид у нее был несчастный.

– Ты же большая девочка. Разве ты научилась застегивать пуговицы?

– Нет, просто я хочу, чтобы ты меня застегнула.

Ее волнистые светлые волосы уже были заплетены в две косы, а красная с серым форма добавляла румянца ее бледным щекам, на которых там и тут выступали злые пятна от укусов.

Застегнув кардиганчик, я притянула дочку к себе. Она обхватила меня обеими руками, и мы ненадолго замерли, наслаждаясь молчаливым проявлением любви.

Потом Эви отпрянула и посмотрела на меня.

– Мама, сегодня ты ведешь меня в школу?

– Веду ли я тебя в школу? – с деланным изумлением повторила я, чем вызвала призрачную улыбку на лице дочки. – РАЗУМЕЕТСЯ, я веду тебя в школу, глупенькая моя обезьянка. Разве можно пропустить такое событие? Да ни за что, даже за весь чай в Китае.

Я пощекотала ей животик, надеясь услышать гортанное сдавленное хихиканье, которое так любила, но Эви увернулась, напряженная и настороженная, и нахмурилась.

– А из школы кто меня заберет, тоже ты?

Черт побери, ну и чутье, прямо как у экстрасенса... Какая бы тяжесть ни лежала у меня на сердце и как бы я ни старалась это скрыть, она мгновенно схватывала любые мои вибрации и возвращала их.

– Ты? – Ее голос звучал настойчиво.

– Ну, нет, забирает тебя бабушка, ты же помнишь? Мы же договорились...

– Нет!

Мама уже звонила утром, чтобы пожелать внучке удачного дня и напомнить, что заберет ее из школы.

– Эви, не начинай. Бабушке ведь тоже хочется услышать, как все прошло. А ты что же, хочешь ее расстроить?

Слова еще не успели слететь с губ, а я уже почувствовала себя гадиной. Ну вот что я за мать такая, если эмоциональным шантажом добиваюсь послушания от пятилетки? Но истерика тяжелым грозовым облаком уже омрачила горизонт утра, а я не придумала ничего умнее, чтобы ее избежать.

– Хочу, чтобы в первый день меня забрала из школы ты. – Ее большие голубые глаза стали еще больше из-за стоявших в них слез, а губы задрожали. – Мамочка, ну пожалуйста-а?

Я пощипала себя за переносицу, глубоко вдохнула и выдохнула.

Ну почему жизнь всегда подставляет родителям ножку, как будто нарочно? Почему мое первое за много лет собеседование должно было выпасть именно на сегодня и ни на какой другой день?

Наверное, это потому, что заявление было подано внезапно и еще внезапнее пришел ответ. Прежде, чем появились мысли о том, что с первым днем в школе возникнут какие-то проблемы...

– Мамочка, ну пожалуйста-а... – продолжала скулить Эви, чувствуя, что я вот-вот дам слабину.

* * *

После полудня, перекусив сэндвичем и ополоснувшись, я нарядилась в темно-синий брючный костюм от Теда Бейкера¹² и белую блузку. Конечно, уже не последний писк, но для собеседования сгодится вполне. Всё лучше, чем легинсы и футболка.

Интересно, буду я когда-нибудь зарабатывать столько, чтобы опять одеваться у Теда Бейкера?

Кстати, с последнего визита туда два года назад мой вес сильно уменьшился, но после ухода с работы это перестало иметь значение – все равно весь гардероб стал «домашним». Для подобного стиля даже придумали новое загадочное словечко – «лаунжвеар». И не подумай, что это просто старые разношенные шмотки, в которых не видно, худая ты или толстая.

Я похудела от горя, а не от диет, и результатом стало тощее, непривлекательное тело, а минус два размера не всегда повод, чтобы бежать в магазин и покупать новое платье.

Стоя перед платяным шкафом, я долго и придирчиво рассматривала себя в полноростовом зеркале на внутренней стороне дверцы. Что ж, в общем, могло быть хуже. Разве что пиджак стал широковат в плечах, да в брюки придется продеть ремень. Хорошо, что у нас с мамой один размер ноги – она отдала свои черные лодочки, и это позволило обойтись без дополнительных расходов.

Я расправила плечи и выпрямила спину. Широко улыбнулась себе в зеркало, проверяя, не застряла ли еда между зубами, и принялась за макияж, хотя за последние два года совершенно отвыкла краситься. Зачем наносить макияж, когда день за днем торчишь дома? Но сегодня пришлось наложить тушь на ресницы и даже мазнуть по губам помадой – благо на дне сумки завалилась одна, светло-розовая. Так, еще немного пудры цвета загара и – последний штрих – блеск на губы, для оживления тона. Годится.

Потом еще раз приладила волосы, которые до этого уложила во французский пучок и залила лаком почти до хруста.

Летом мы с Эви опять не выбрались в отпуск, но в волосах сохранились красивые золотистые прядки, выветленные солнцем, – память о часах, проведенных в саду, где я читала, полулежа в кресле, а она плескалась с подружками в надувном бассейне.

Уверенность. Сегодня я должна излучать уверенность.

Да, руководительский апломб растерян, но это, может, и к лучшему: незачем сразу выставлять напоказ свои прежние достижения, а то еще подумают, что к ним явилась госпожа Везде-была-послать-больше-некуда, и не возьмут на работу.

Перед выходом я еще раз проверила сумку – всё на месте, два блестящих отзыва от директоров прежней компании тоже здесь – и захлопнула за собой дверь.

На улице было облачно, но тепло, и я сняла пиджак, садясь за руль. Голос Эви, ее умоляющие интонации, когда она просила забрать ее сегодня из школы, преследовали меня все утро.

«Пожалуйста, мамочка, пожа-алуйста...»

¹² Популярная британская марка одежды и аксессуаров.

И все же в школу она зашла вполне спокойно, что уже было подарком. На пороге нас встречали учителя, готовые принять из рук трепещущих родителей первоклашек, для которых сегодня настал Первый День.

Правда, перед выходом я все же дала обещание встретиться с ней сегодня после занятий, если смогу, хотя и знала – собеседование назначено на пятнадцать ноль-ноль, учеба заканчивается в пятнадцать тридцать, а это значит, что добраться до Сент-Сейвиорз к этому времени будет возможно, только если за спиной отрастут крылья.

Я презирала себя за эту мелкую уловку, но, с другой стороны, одного неискреннего обещания хватило, чтобы вернуть мордашке Эви улыбку и сделать наш путь до школы приятным и гладким.

На то, чтобы внести в навигатор координаты, ушла минута. Устройство показывало, что дорога займет тринадцать минут. Я выезжала на полчаса раньше, а значит, ничто не помешает мне добраться вовремя, кроме разве что внезапного вторжения пришельцев.

Упервшись затылком в подголовник и трижды глубоко вдохнув через нос и выдохнув через рот, как советовали в приложении по релаксации, я попыталась прогнать мысли, крутившиеся вокруг маленького коричневого пузырька. Пузырька, который из шкафчика в ванной перекочевал в кармашек сумки... На всякий случай. Вдруг произойдет что-нибудь непредвиденное и мне срочно потребуются успокоиться? Таблетка выровняет пульс, снимет тревожность...

Вот только сейчас ее принимать нельзя.

Отъехав от обочины, я повернула налево, к выезду из района. По Синдерхилл-роуд одна за другой шли машины, и неудивительно – впереди была большая развязка с выездом на шоссе А610, а оттуда – на магистраль М1 Лидс – Лондон.

Но мне нужно было в другую сторону, где движение было не настолько напряженным.

Дорога пошла под уклон, мимо заскользили дома-террасы. Закопченный кирпич; оконные рамы, когда-то светло-сливочные, теперь облупились, тщетно взывая о покраске. Спуск закончился, я пересекла трамвайные пути и поехала дальше. По подсказке навигатора выбрала на мини-развязке правый поворот, выведший к Мур-Бридж, а оттуда в сторону Хакнелла.

По улицам прогуливались молодые мамы, толкая перед собой коляски веселых расцветок, на лавочках кое-где сидели компании юнцов в худи с натянутыми капюшонами и банками пива в руках.

Утром мы с Эви шли пешком. Дорога до школы заняла не больше пятнадцати минут в одну сторону и вызвала во мне чувство вины за то, что так и не получилось побывать там до начала занятий – назначенное время посещения я прозевала, а записаться повторно не удалось: желающих оказалось слишком много.

Дочка болтала без умолку, но, когда впереди показались кованые ворота Сент-Сейвиорз, вдруг затихла – видимо, волнение все-таки сказывалось.

– Все будет хорошо, милая. – Я сжала ее руку. – Тебя ждет чудесный день.

– Но я же никого там не знаю. Дейзи, Нико и Марта – мои лучшие подруги, а их там не будет.

Эти четверо были неразлучны буквально с первого дня в начальной школе Норт-Вью, куда она ходила в Хемеле. Я представила, как моя девочка сидит совсем одна, в новом классе, и внутри меня все перевернулось.

И тут нужный ответ наконец нашелся.

– Там будет много детей, которые никого не знают, как и ты. К концу дня ты точно со всеми познакомишься и заведешь новых друзей. К тому же кое-кого ты там уже знаешь, кое-кого важного...

– Кого? – Она посмотрела на меня, и ее лобик с двумя ярко-красными отметинами прорезали морщинки недоумения.

– Мисс Уотсон, конечно. Ты знакома с учительницей, а значит, будешь лучшей в классе!
Ее мордашка вспыхнула от удовольствия.

– Ура, я буду лучшей!

Эви успела несколько раз пропеть эти слова на все лады, пока мы подошли к калитке. Я была страшно рада ее улыбке, а когда пришло время прощаться, то в горле у меня стоял ком. И не только у меня – многие родители первоклашек уходили, пряча глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.